

НАШИ ТАМ

АЛЕКСАНДР
ЛАТЫПОВ

ЛИНИЯ
ГОРИЗОНТА

Наши там (Центрполиграф)

Александр Латыпов

Линия Горизонта

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Латыпов А.

Линия Горизонта / А. Латыпов — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08689-1

Двести лет назад колония людей на планете, затерянной в глубинах космоса, потеряла связь с Землей. С тех пор безымянный Город из года в год вынужден бороться за свое существование. Эпидемии неизвестной болезни, таинственная пропажа людей, истощение запасов, отсутствие работы... Когда население Города готовится поднять восстание против правителей, предводитель мятежа Артур Васильев находит старые космические корабли землян. Чтобы победить в надвигающейся войне и спасти выживших, Артуру и его ближайшим соратникам предстоит столкнуться с загадками и тайнами колонии, пройти заброшенными подземными дорогами и обнаружить считавшиеся безвозвратно утерянными технологии старой Земли...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08689-1

© Латыпов А., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Пролог	6
История о людях и демонах	15
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Латыпов

Линия Горизонта

© Латыпов А., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Пролог

За два года до войны

Городские часы начали бить полночь. Глухие и тяжелые звуки двенадцатью волнами прокатились над Городом, пробились, должно быть, сквозь окружавшую его серую мрачную стену и затихли где-то далеко, в необитаемых пустынях планеты Астарот.

Артур Васильев, мужчина двадцати пяти лет, покачал головой, отгоняя от себя мрачные мысли, и снова посмотрел на массивные металлические двери перед собой. Пожалуй, во всем Городе не было дверей старше этих. Разве что Дерево могло с ними посоревноваться в возрасте, и неизбежно проиграло бы. Городские подвалы были пробурены в серой астаротской земле в первую очередь строительства две сотни лет назад. Случилось это, когда люди только начинали обживать планету. И уже из недр этих катакомб полезли они на поверхность и начали строить сам Город.

– Думаю, нам лучше зайти внутрь, – тихо произнес кто-то за спиной Артура.

– Первый лорд, вы все же раздобыли ключ, – ответил Артур не оборачиваясь.

– Разумеется, как и обещал.

– Как видишь, у нас появился новый надежный союзник. Крайне ценный. – Первый лорд – тот из них, что был повыше и кутался в поношенный серый плащ, надетый поверх серого строгого костюма и серой же рубашки, – кивнул на своего компаньона, который ростом был ниже даже Артура, лыс и так же сильно потрепан жизнью, как и сам Первый лорд: растянутый свитер светло-коричневого цвета и темно-зеленые штаны, в лунном свете казавшиеся практически черными, делали его до крайности узнаваемым – достаточно было однажды услышать описание нелепой разномастной одежды, бледной кожи и постоянно уставшего и недовольного выражения лица, чтобы узнать его в толпе с первого взгляда.

– Олег Тихонов, я вас знаю, – живо отозвался на это Артур, обращаясь к спине лысого мужчины.

Тихонов, который был в Городе чем-то вроде замызанной старой легенды, промычал что-то в ответ и продолжил внимательно разглядывать сложный замок на двери.

Хотя население Города было далеко не самым маленьким для далекой земной колонии, профессионалов в некоторых областях катастрофически не хватало – кто-то не желал делиться своими секретами и плодить конкурентов, а у кого-то, как у Тихонова, даже и возможности такой не было – вся необходимая для его ремесла техника существовала в единственном экземпляре.

– Вы же городской ключник... – неуверенно начал Артур.

– Ага, – отозвался тот.

– Именно поэтому он здесь, – прервал возникшую короткую паузу Первый лорд.

– А мы можем... Я хочу сказать... – Артуру было крайне неудобно высказывать свои подозрения.

– Доверять ему? Безусловно, – кивнул Первый лорд. – Я ручаюсь за него. Олег, мы сможем войти?

– Да, если только у вас есть коды доступа. Дверь старая. Вероятно, была поставлена сразу же после окончания строительства подвалов, – внимательно рассмотрев кодовый замок, заявил Олег, после чего повторил: – Тут нужны коды доступа.

– А ключ? – спросил Артур, указывая на ржавую замочную скважину под кодовым замком.

Тихонов выудил из кармана небольшой ключ и помахал им в воздухе.

– Хорошо, подождите секунду. Я эти коды собирал много лет – ото всех подряд дверей. – Мужчина в сером плаще подошел вплотную к двери и начал перебирать комбинации. Причем делал он это так, что ни Олег, ни Артур не видели, какую именно последовательность цифр набирал.

Спустя несколько секунд что-то внутри двери щелкнуло. Первый лорд отошел от двери, а его место занял Тихонов, – несколько раз повернув ключ в замочной скважине, он мягко провел рукой влево по поверхности двери, и она, послушавшись, последовала за этим движением.

– За мной, – скомандовал он и первым нырнул в темноту подвалов.

Едва дверь за ними закрылась, как в руках Первого лорда вспыхнул карманный фонарик – тоже изрядная редкость в Городе.

– Рядом должна быть старая комната охраны, – сообщил он, обводя лучом света стены подземелий, обшитые металлическими листами.

Комната охраны оказалась за ближайшей дверью, в полусотне шагов от выхода наружу.

– Возможно, здесь иногда кто-то все же бывает, – задумчиво протянул Первый лорд, рассматривая вытопанные в грязи на полу проплешины. – Подождите.

Нащупав лучом фонарика выключатель на стене, он его включил. Под потолком зажглись две лампочки, неярким светом залившие пустую комнату, – лишь на стене висело мутное зеркало, такое же, как и во многих домах Города. Первый лорд кивнул этому зеркалу, как старому знакомому, после чего вышел ненадолго из комнаты. Вернулся он спустя полминуты с тремя стульями.

– Соседняя комната, – ответил Первый лорд на вопросительный взгляд Артура. – Там всякий хлам сложен – идеальная крысиная нора. Когда этих грызунов только потравят? На городских складах совершенно точно есть яд – его привезли когда-то давно со старой Земли. Крыс убивает мгновенно, а у людей вызывает сильное удушье... Есть, правда, его придется ложками. Впрочем, если этим опять займется полиция, то толку не будет никакого. Набирают туда таких остолопов, которые не могут отмерить нужную дозу. Итак, давайте сразу о деле – времени у нас мало, нужно все обсудить.

– Кто вы? – Артур сразу же задал вопрос, который волновал его последние дни.

– Ты знаешь, кто я. Меня зовут Первый лорд.

– Мы с вами встречались всего дважды, но, признаюсь, оба раза вы были крайне убедительны и слишком много знали о том, что мы готовим. Поэтому сегодня я здесь. Первый лорд – ваше настоящее имя?

– Мое настоящее имя никому и ни о чем не скажет. Так что, пусть будет Первый лорд. При людях можешь просто говорить мне «ты». Ну, или «вы», как пожелаешь, мне все равно. Что касается ваших планов – не вы первые, но, надеюсь, с моей помощью и помощью Олега будете последними. Я здесь только потому, что верю в твой план с поручительствами – ловко, признаю. Ловко и запутанно.

– Спасибо. И все же, прежде чем подвергать опасности моих... тех, с кем мы работаем, я должен знать о вас хотя бы что-то.

– Хорошо. – Первый лорд кивнул. – Я родился и вырос в Городе, в какой-то момент узнал то, что покажу тебе сегодня. Начал копать дальше, под Совет. Но полиция стала меня преследовать. Из-за этого работать стало крайне тяжело, и теперь я вынужден делать большую часть работы чужими руками. В настоящее время очень надеюсь, что такими руками станете ты и твои поделщики. Дай мне еще несколько часов, и я смогу убедить тебя, поверь.

Артур пожал плечами в ответ и промолчал. В предыдущие встречи Артур так и не рассмотрел внимательно Первого лорда. Глупость, конечно. Но слишком уж этот человек был убедителен, слишком много знал.

Сейчас же, в мерцающем желтом свете лампочек, Артур смог разглядеть его получше. Его преждевременно поседевшие волосы были подстрижены очень коротко, но, успев немного

отрасти, топорщились крошечным ежиком. Плащ, как и коричневые ботинки, был поношен; не хватало даже одной пуговицы.

– Отлично. Сколько человек находится на самом верху? – спросил Первый лорд.

– Двадцать два. И все они завязаны на меня, – помедлив, ответил Артур.

– Хорошо. Кому-то еще известна вся картина?

– Нет, – сказал Артур. – Из тех двадцати двух человек некоторые, возможно, могут сложить все части схемы воедино.

– О чем вы говорите? – подал голос ключник.

– Тебе лучше не знать, – ответил ему Первый лорд. – В данном случае, как видишь, это лишнее.

– Причем для всех нас. – Артур кивнул: – При последней встрече ты сказал, что можешь предложить нечто, что поможет нам уничтожить Совет.

– Да, но для начала, Артур, у меня есть книга, которая может быть тебе интересна.

С этими словами он протянул ему потрепанный томик с пожелтевшими страницами.

– Прочитай на досуге, я пока кратко расскажу тебе, о чем она. Это дневник человека по имени Лукас Виго.

– Кто это? – поинтересовался Олег, рассматривая книгу через плечо Артура. – Я слышал это имя...

– Он был пассажиром одного из кораблей, которые прибыли сюда, на Астарот, двести лет назад.

– Так, и о чем писал этот Лукас Виго? – Артур быстро пролистал книгу и спрятал ее во внутренний карман куртки.

– Поначалу ничего нового для нас. История. Начинается она еще на старой Земле. Люди сумели победить болезни и преступность, создали едва ли не идеальное общество, в котором каждый относился с уважением к каждому. Романтическая чушь, конечно, но какая-то доля истины в этом должна быть. Со временем они решили поискать проблемы над головой, раз на Земле их не осталось. Направили экспедиции к нескольким планетам, предположительно пригодным для жизни. Какие-то корабли по разным причинам вернулись обратно на Землю ни с чем, но четыре исследователя остались в колониях для того, чтобы подготовить их к прибытию поселенцев. В том числе и на Астарот, с которым в итоге вышел промах. Командовал экспедицией Уоллес Грант. Именно его базовая команда пробурила здесь подвалы, построила Дерево и Город вокруг него. Впрочем, имя Гранта нам не особенно важно.

Дальше, если вкратце, вскоре после прилета первых поселенцев, в Городе началась эпидемия. Якобы бездействовавший в разреженной пустынной атмосфере Астарота вирус решил проснуться и выкосить значительную часть населения. Победить эпидемию удалось, но объявленный в Городе карантин так и не был снят. Словом, со старой Земли больше не прилетел ни один корабль.

– Знаешь, меня всегда интересовал вопрос: откуда здесь, на Астароте, взялся вирус? – спросил Олег.

– Виго предположил в дневнике, что когда-то Астарот был обитаем, но этот вирус уничтожил всех на планете, – недовольно посмотрев на ключника, ответил Первый лорд. – В чем я сильно сомневаюсь.

– Так, и зачем ты нам это все рассказываешь? Это все в школе изучают, на уроках истории, – поинтересовался Артур.

– Не все здесь ходили в школу, – ответил Олег, хмуро разглядывая носки своих ботинок.

– Артур, я не предлагаю тебе помощь, я предлагаю сотрудничество, – не обратив никакого внимания на реплику ключника, продолжил Первый лорд.

– О чем ты? – пришла очередь Артура хмуриться.

– Мне абсолютно безразлично, кто будет сидеть в Совете и будет ли этот Совет существовать вовсе. Можешь объявить себя вторым королем Города, как это сделал Георг в свое время. Мне это безразлично. Я хочу покинуть планету.

Артур расхохотался:

– Каким это, прости, образом? Выходов из Города нет. Мы заперты здесь как раз по причине карантина.

– Я полагаю, что корабли, на которых первые люди прибыли на Астарот, все еще находятся где-то там, за чертой Города. Я планирую добраться до них, взяв с собой тех, кто захочет присоединиться, и вернуться на старую Землю. Но мне нужна твоя помощь. Из всех подвалов Города самым тщательным образом охраняются три места: трубопровод до северных ледников, откуда мы получаем воду, то место, куда я сегодня вас отведу, и дорога до кораблей Уоллеса Гранта. Спустя несколько лет поисков мне удалось обнаружить выход на нее. Оказалось, что городского склада номер двадцать девять попросту не существует – за дверью, его обозначающей, и находится выход на нужный мне маршрут. Сама дорога до места посадки кораблей уникальна – это второй уровень городских подземелий, о существовании которого мало кто знает. Всего один тоннель, но простирается он от места приземления до городской стены на юге. Дверь, ведущая в этот тоннель, заперта, а ключ хранится у лордов-советников.

Еще раз. Предлагаю тебе обмен: я даю тебе имеющиеся у меня коды доступа к городским складам с оружием и припасами, Олег делает для тебя необходимые ключи, а ты открываешь дорогу переселенцам после того, как ваш бунт завершится, а Храм будет захвачен. Я не могу уйти сейчас – лорды нас не выпустят.

– Почему ты решил, что они не захотят улететь отсюда? – спросил Артур.

– Для них я преступник. Кроме того, никто не захочет ломать устоявшиеся правила ради шаткой фантазии одинокого старика.

– Не так уж ты и стар, – буркнул Артур.

На этот раз промолчал лорд Первый.

– Ты же понимаешь, что я не могу дать никаких гарантий, – сказал Артур.

– Да, но я верю тебе.

Олег Тихонов только фыркнул.

– Если ты нас обманешь, я уничтожу свою мастерскую, и все запертые двери так и останутся закрытыми, – насмешливо протянул он.

– Ты тоже хочешь уйти? Тогда какая разница? – спросил у него Артур.

– У меня есть пока живой ученик, – ответил ему Олег.

– Если я возглавлю Город, я позволю вам уйти из него, – с кривой усмешкой ответил на это Артур. – Что там успел еще написать Виго?

– Наш Город должен был стать перевалочным пунктом, – продолжил Первый лорд, вновь откинувшись на спинку стула. – Да, планета оказалась непригодной для жизни. Воздух здесь не подходит для дыхания, но на северном полюсе есть ледник, который все эти годы снабжает нас водой. Гранту удалось развернуть базовую станцию, построить первые солнечные фермы, наладить добычу воды, построить станции по производству синтетической пищи и предметов первой необходимости. Было построено Дерево – генератор кислорода, вокруг которого стал постепенно расти Город. Городские стены были специально построены на одном уровне с Деревом – так оказалось наиболее удобно генерировать защитный купол, который удерживает пригодный для дыхания воздух.

– А когда случилась эпидемия, за ней последовал и первый бунт, – добавил Артур.

Руки он сложил на спинке стула, а поверх них устроил подбородок и теперь слушал эту в общем-то известную историю.

– Да, спустя пятнадцать лет некий Георг совершил первый переворот в Городе, сместив Архитектора – все того же Уоллеса Гранта. А попутно уничтожив его гвардию.

– Я не знал этого...

– Об этом не рассказывают на занятиях в Храме. Но Виго успел сделать запись об этом в дневнике. А еще он успел сделать интересное наблюдение. Внезапно выяснилось, что гвардейцы Архитектора были единственными, кто понимал механизмы работы станций: как солнечных, так и тех, которые производили синтетическую пищу. В первую очередь гвардейцы были учеными и инженерами. Такая вооруженная наука. Но гвардию уничтожили, а сам Архитектор оказался в городской тюрьме.

– Он пережил восстание?!

– Да, несмотря ни на что, Георг был умным человеком. Он предвидел, что с работой станций могут возникнуть сложности, и оставил в живых Уоллеса Гранта. Вскоре его выпустили из тюрьмы. Георг, провозгласивший себя королем Города, позволил ему набрать новую гвардию, отдал ему маяк – по сути, предполагаемую вышку связи с кораблями, которые могут пролететь мимо Астарота. Однако новых людей нужно было обучать. Спустя какое-то время после следующей эпидемии Уоллес Грант пропал – возможно, он стал ее жертвой.

– Но лекарство же было изобретено? – негромко произнес Тихонов – Ты сам сказал.

– Да, но запасы его также исчерпаемы, их нужно возобновлять. Именно над ними и трудятся гвардейцы в маяке. Третья эпидемия, перебои с синтетической едой вызвали новый бунт. Король был убит, новый Архитектор отказался взять власть. Тогда Город возглавили три семьи: Даррелы, Богушевские и Греи.

– Артур, – продолжил Первый лорд после короткого молчания. – Когда-то наш Город был самой далекой от Земли технологически развитой колонией. Количество электроники зашкаливало. В каждом доме были установлены объединенные в одну сеть компьютеры – машины мгновенного обмена информацией. Самая большая человеческая база данных в этой части Галактики.

– Именно поэтому все, что у нас сейчас есть, – одна-единственная газета на весь Город, – вставил Тихонов.

– С учетом всего произошедшего за эти годы... скажем так, эта система пришла в упадок. Газеты изначально-то были оставлены просто в угоду ретроградам со старой Земли. Но когда компьютерная сеть была утеряна для нас, неожиданно выяснилось, что городская газета – единственный оставшийся способ передачи информации. То, что вы считаете зеркалами, – мониторы, внешние интерфейсы этой системы. Многие из них безнадежно сломаны, пароли к ним утеряны. Даже лучшие специалисты, которые работают у Ильи Ларина на его станциях, не смогут их починить.

Первый лорд подошел к зеркалу на стене и провел рукой по его верхней грани:

– Неудобно кнопки расположены... да где же... а, вот, нашел.

Зеркало вспыхнуло ярким голубым светом, на его поверхности появились буквы и цифры.

– У меня есть коды доступа к девяти зеркалам в Городе. Это – одно из них, к нашему счастью.

Первый лорд быстрыми касаниями набрал пароль на экране – изображение вздрогнуло, изменилось: теперь по зеркалу бежали совсем другие цифры. Появились графики.

– Артур, внимательно посмотри на монитор и скажи, что ты видишь? Я же привел вас сюда не просто так, сказки рассказывать.

Васильев нахмурился и поднялся со стула. Обернувшись к монитору, принялся разглядывать бежавшие по нему цифры и символы.

– Я многого не понимаю, очень многого. – Он пытался вчитываться в данные, но получалось плохо. – Постоянно появляется фраза о сниженных мощностях...

Внезапно в отражении на экране он увидел силуэт человека в черном, промелькнувшего в дверном проеме. Артур сумел рассмотреть ярко-рыжие волосы и большую букву «А», вышитую на груди его форменной куртки.

Артур резко обернулся – за спиной никого не было. Первый лорд перехватил его взгляд, тоже обернулся, нахмурился.

– Что ты увидел? – спросил он.

– Показалось, что там кто-то прошел.

Первый лорд быстро выбежал в коридор – было видно, как заметался по стенам луч карманного фонарика.

– Нет, там никого нет, – сообщил он, вернувшись.

– Ладно, не важно, – отмахнулся Артур. – Может быть, показалось. Может быть, это промелькнуло изображение на экране.

Он обернулся к монитору.

– Я хотел, чтобы ты сам это увидел, а не услышал от меня, – кивнул Первый лорд, подойдя ближе. – Олег, подойди сюда – тебе тоже важно это знать.

Первый лорд вывел на экран полный перечень хранившихся в памяти компьютера данных и принялся их комбинировать друг с другом.

– Как я сказал, компьютерная сеть во всем Городе единая, но, учитывая энергетический кризис и малое количество работающих терминалов, ею мало пользуются и за ней плохо следят. Будем надеяться, что мы останемся незамеченными, – пробубнил он себе под нос. – За все многолетние попытки добраться до кораблей я научился неплохо с ней работать.

Смотрите, – добавил Первый лорд, когда на экране появился пустой график. – Я буду включать данные по очереди. Наш Город существует двести лет. За это время мы пережили несколько масштабных эпидемий. Вот они, отмечены точками. А вот население города.

На графике появилась убывающая кривая.

– Миллион при Уоллесе Гранте, шестьсот тысяч – сейчас. Убыль в четыреста тысяч человек всего за двести лет. Триста тысяч стали жертвами эпидемий при короле Георге, но где же еще сто тысяч? С учетом рождаемости в Городе. У меня есть определенные догадки. А теперь давайте посмотрим на еще один показатель. Вот так выглядит объем продовольствия на городских складах.

На графике появилась новая кривая, делавшая резкий скачок вверх после каждой эпидемии и плавно колебавшаяся последние сто лет. Текущее десятилетие было отмечено очевидным сокращением запасов.

– Еще один работающий терминал находится в банке барона Франку. По старой традиции его служащие заносят в систему всю статистику. Хотя даже и не понимают – зачем. Но нам это дает возможность увидеть, что кто-то в Совете проглядел момент, когда еды стало не хватать, – сказал Первый лорд, ткнув пальцем в переломную точку на кривой. – К счастью, это касается только еды – остального у нас в достатке. Но голод вот-вот начнется. И, наконец, последнее. У Дерева, которое генерирует воздух для Города, десять труб. Каждая труба автономна в управлении и рассчитана на сто тысяч человек. Четыре трубы вышли из строя, просто из-за своей изношенности. Что это все может означать?

– Что Город постепенно вымирает? – спросил Олег.

– Очевидно. – Первый лорд кивнул, все еще разглядывая монитор. – Он попросту душит нас. Но и это не все наши проблемы. Производства работают на остаточных мощностях. Те, кто знал, как выращивать, например, синтетическое стекло или создавать сталь из воды и заготовок со старой Земли, были убиты во время первого восстания. С ними исчезло и это знание. Архитектору удалось восстановить производство синтетической еды, древесины, кое-каких видов тканей, бумаги. Но что будет, если и эти производства остановятся? Сейчас система жизнеобеспечения Города, если не считать воду из ледников, полностью замкнута.

- А как же заготовки? Шаблоны для создания еды?
- По моей информации, их мало. Так же, как и воздуха.
- Я понял, к чему ты ведешь. И сколько у нас осталось времени? – перебил Первого лорда

Артур.

– Даже если представить, что ледники могут послужить неисчерпаемым источником воды, последний генератор Дерева отключится лет через триста. Сложнее с производственными станциями – они могут отключиться в любое время, а мы можем не суметь их починить. Кроме того, может случиться новая эпидемия.

– Это здесь при чем? – удивленно посмотрев на собеседника, спросил Артур.

– Прошел час, а значит, нам нужно идти. Обычно все начинается в половине второго ночи. Я хочу показать вам кое-что. – С этими словами он выключил монитор и направился обратно, в запутанную темноту подземелий.

Первый лорд уверенно вышагивал по бесконечным темным коридорам городских подвалов; временами Артуру начинало даже казаться, что идет он наобум, на каждой развилке выбирая случайное направление, – в конце концов, шли они без карты, а сам Первый лорд ничего пояснять не хотел и ограничивался короткими отговорками.

– Пришли, – наконец сообщил он, остановившись перед очередной дверью.

Удивительно, но на всем пути им не встретилось ни одного человека: ни бродяг, ни полицейских, ни любителей городских легенд и тайн, которых в последнее время расплодилось неприлично много. Только за последний месяц к Олегу дважды приходили подростки с просьбой сделать для них ключи от подвалов. Разумеется, он им отказал.

– Тут достаточно кода, ключ не нужен. – Первый лорд принялся колдовать над замком.

– Странно это, – заметил ключник, – такие двери, с одним только кодовым замком, установлены в Храме в комнатах и кабинетах лордов-советников. Видимо, чтобы я к ним ночью не пробрался.

– За этой дверью вещи значительно более важные, чем все бумаги лордов-советников, вместе взятые, – ответил на это Первый лорд, активируя механизм, – дверь плавно уехала в стену.

За ней обнаружился крошечный балкон, заставленный хозяйственной утварью: метлы, веники, совки, строительные инструменты – все это в совершенном беспорядке было разбросано по полу. Балкон заканчивался перилами в половину человеческого роста и опоясывал собой на высоте пяти метров просторный зал. Внизу суенилось две дюжины людей в черной форменной одежде и масках, закрывавших нижнюю часть лица. Олег даже смог разглядеть на груди у каждого из них красную букву «А».

Гвардия Архитектора – элитные войска Города, инженеры и строители, имевшие неограниченный доступ во все дома и склады, получавшие приказы напрямую от Архитектора, в существование которого мало кто уже верил. Гвардейцы никогда ни с кем не разговаривали, да и заметить их в толпе было сложно – они сторонились горожан, но всегда появлялись там, где были нужны.

Если раньше только гвардейцы знали, как работают производственные станции, то в последние годы они взялись обучать других – Олег точно знал, что такие курсы были проведены на станциях лорда Грея и Ильи Ларина.

Немного дальше, метрах в двадцати влево от двери, через которую на балкон вышли Первый лорд, Артур и Олег, балкон перегораживала еще одна дверь, деревянная на этот раз, отделяя узкое и вытянутое в длину хозяйственное помещение от расставленных по всему балкону приборов, мигавших множеством лампочек.

– Олег, второй ключ, пожалуйста, – прошептал Первый лорд.

Тихонов вытащил из кармана еще один ключ и передал его Первому лорду.

Темнота надежно скрывала их – даже с противоположной части балкона их было невозможно заметить. К счастью, замечать было некому – гвардейцы бегали вниз, до второго этажа им не было дела.

Тем временем Первый лорд вставил ключ в замочную скважину деревянной двери и повернул его. Раздался тихий щелчок.

– Код от двери, через которую мы зашли, давно и надежно забыт, а перепрограммировать замок некому. Деревянную дверь я заблокировал, поэтому, если нас даже заметят, мы успеем скрыться в подвалах прежде, чем ее выломают, – пояснил он. – А теперь просто ждите и смотрите вниз.

Весь первый этаж занимала сложная машина, состоявшая из вертикальной кабины серого цвета и огромного, похожего на шкаф пульта управления, от которого в разные стороны расползались кабели, ветвились отдельные провода. Что-то у гвардейцев внизу явно не ладилось – у нескольких приборов, выстроившихся вдоль стен, было вскрыто нутро. Люди безуспешно копались в них, меняли детали.

– Не успели, – констатировал Первый лорд.

– Кто? – спросил Артур. – Мы не успели?

– Нет. – Первый лорд кивнул в сторону гвардейцев. – Я уже раз пять наблюдал запуск этого агрегата – всегда ровно в половине второго ночи. Но сегодня они выбились из графика.

– Смотрите! – Артур указал куда-то вниз, в сторону машины. – Белый шар. Никогда таких не видел.

На высоте полутора метров от земли за спиной одного из гвардейцев висел в воздухе белый шар размером с кулак.

– Ремонтная сфера, – бросил Первый лорд. – Сопровождают везде гвардейцев, помогают им. Не отвлекайся. Тем более что людей-то уже привели.

Он указал на толпившихся у самых дверей на первом этаже, правее того места, над которым стояли мужчины, арестантов в тюремных робах. Их окружал еще десяток вооруженных гвардейцев.

– Зачем они здесь? – Олег удивленно переводил взгляд с одного серого, уставшего лица на другое.

Вместо ответа, Первый лорд поднял руку, призывая к тишине, – машина на первом этаже наконец заработала. Послышался тихий гул, дверь кабины отъехала в сторону.

– Заходите внутрь по одному, все ждут своей очереди, – вперед вышел молодой рыжеволосый гвардеец, отражение которого Артур увидел на экране. Неужели...

Артуру сложно было определить его возраст – с такого расстояния казалось, что гвардейцу лет двадцать, не больше. Он сообщил об этом Первому лорду, но тот отмахнулся:

– Ерунда. Он не мог быть там, иначе бы сразу арестовал нас. Вероятно, какой-то сбой системы, возможно, видеозапись старая запустилась случайно.

Первый арестант подошел к кабине.

– Как я и говорил, система жизнеобеспечения Города полностью замкнута. Команда Гранта осталась на этой планете, на Астароте, только потому, что здесь есть ледники – источник воды для Города. Отсюда можно было продолжить космическую экспансию.

Второй компонент для всех наших производств – эссенции различного химического состава. И солнечная энергия – этого у нас достаточно. Расчет был прост – раз в год корабли доставляют со старой Земли поселенцев и запас эссенций. В перерывах Город сам мог понемногу восполнять их, перерабатывая органические отходы в специальном устройстве. – Первый лорд указал на серую кабину внизу. – Когда корабли перестали прилетать, запас эссенций стал быстро истощаться. И тогда уже король Георг приказал Уоллесу Гранту переделать машину таким образом, чтобы она перерабатывала в эссенции не отходы, а людей. Так реша-

лось сразу три проблемы – подавлялась эпидемия, разгружался морг и возобновлялись запасы. Так, по крайней мере, казалось.

– После каждой эпидемии запасы еды росли, – с отвращением просипел Олег, вспомнив данные графика, которые им показал Первый лорд.

– Именно, – кивнул тот.

– При Георге были переделаны все законы. – Олег подошел слишком близко к перилам, и Артуру пришлось мягко отвести его на несколько шагов назад.

– Да, любое более или менее серьезное преступление стало караться пожизненным заключением в нижних камерах, – закончил мысль Артур.

– А из нижних камер, как известно, никто еще не возвращался.

Тем временем дверь кабины закрылась за первым арестантом, гул немного усилился, мигнули красным огоньки на пульте управления, а затем дверь снова открылась, демонстрируя пустоту внутри машины.

Арестанты в углу вздохнули.

– Я считаю, что ни одна эпидемия не происходила сама по себе – нет никакого дремавшего на Астароте вируса, – тихо произнес Первый лорд. – Думаю, он был привезен с Земли, и каждый раз его просто выпускали на волю – сначала это сделал Архитектор, о чем и узнал Георг. Потом уже ему в свою очередь пришлось прибегнуть к этому способу восполнения запасов. А за ним подтянулись и первые лорды-советники. Их потомки, конечно, перешли все допустимые границы, превратив расщепитель в электрический стул, но в конечном счете, если карантин не будет снят, даже тебе, Артур, если ты возглавишь Город, ничего другого не останется. Вот вам необходимое зло. Надеюсь, Артур, теперь ты понимаешь, что мы нужны друг другу. Мы нужны всем горожанам. В конце концов, пусть даже нам придется заглядывать к ним в окна на самые короткие мгновения, подсматривать и подслушивать, чтобы понять, каковы они на самом деле и что их тревожит, но эта история о них, чем бы она ни закончилась.

История о людях и демонах

Веревка сильно натирала запястья. Руки, сведенные за спиной, затекли. Саймон Лившиц, пошатываясь, забирался вверх по лестнице, уводившей прочь из нижних камер городской тюрьмы в зал суда. Он, вероятнее всего, вернется сюда через час-другой и проведет в этой затхлой темноте еще многие-многие годы.

Но это потом. Сейчас он увидит Город, увидит солнце. И да, он услышит речь, состоящую не только из бормотания, междометий и сквернословия. Наверное.

Сегодня Саймона должны судить.

Эти мысли роились в его голове, стучали в висок назойливой болью. А где-то позади, отставая всего на ступеньку-другую, поднимался конвоир.

Как он выглядел – толстый, худой, старый, молодой, – Саймон понятия не знал.

Да и какая разница?

Наконец, черная тюремная дверь открылась перед ним. В легкие хлынул чистый свежий воздух. Саймон вдохнул полной грудью.

– Иди, – буркнул конвоир и сильно толкнул Саймона в спину.

Присяжные уже собрались.

«Дюжина бездарных лентяев, от них толку нет никакого, – подумал Саймон. – Даррел все равно сам все решит».

А вот лорда-советника, судьи Даррела, все еще не было.

Зал суда был разделен надвое невысокой мраморной стойкой, по одну сторону которой находились места для посетителей, по другую – скамья для обвиняемых и друг напротив друга – столы защитника и обвинителя.

У дальней стены, напротив входа в зал суда, располагалось возвышение с монолитным огромным столом и тремя стульями с высокими спинками для лордов-советников. Над этим столом располагался крошечный балкончик с узкой дверью – раньше туда выходил глава Города, Архитектор, чтобы руководить процессом. Если, конечно, считал, что в этом была необходимость.

Но Архитектора никто не видел многие годы.

Саймона усадили на скамью подсудимых. Защитника у него не было: никто не захотел взяться за дело, выиграть которое было невозможно.

– Веревки, – тихо сказал он, обратившись к конвоиру.

Все же он был толстый и старый. Глаза плохо привыкали к солнечному свету, а потому разглядеть его как следует Саймон не мог, даже если бы и захотел.

– Обойдешься, – прозвучал ответ. Конвоир уселся недалеко от него на лавку.

Вскоре прозвучал гонг – в зал суда вошел лорд-советник. Это был высокий, худой старик лет семидесяти.

Саймон обернулся на зал позади себя – там почти никого не было. Нищий безродный вор никому не нужен и не интересен. Даже газетчиков нет.

Пятеро горожан, сидевшие в зале суда, даже и не подумали встать.

– Почему они сидят, если судья пришел? – прошипел Саймон.

– А почему они должны вставать? – Конвоир недоуменно посмотрел на него.

Отвратительная бородавка у него на носу – так подумалось в тот момент Саймону.

Он еще раз оглянулся на зрителей; четверо мужчин и одна женщина. Что они здесь забыли?

– Слушается дело Саймона Лившица, двадцати двух лет, проживающего по адресу Желтая улица, дом четыре, комната двадцать восемь, – прокатился над залом громкий хрипловатый голос судьи.

Саймон подскочил со своего места, но на это никто не обратил внимания. Судья Даррел просто продолжил зачитывать обстоятельства дела.

О, это было унижительно. За тот час, что судья Даррел читал вслух дело, а ему попутно подносили доказательства вины Саймона, кажется, все успели проникнуться к преступнику ненавистью. Ему-то, в общем, это было неинтересно. Но вот их гадкое внимание было просто омерзительно!

Вот присяжные рассматривают кошелек Арнольда – в его убийстве и обвиняли Саймона, хотя он совсем не помнил момент преступления. Он был без сознания, когда его нашли.

– Обращаю внимание присяжных на то, что кошелек может принадлежать кому угодно, – сообщил с возвышения судья. – В том числе и подсудимому. Главным доказательством совершения преступления именно подсудимым является вещественное доказательство номер восемь. В материалах дела оно описано как карманные часы с инициалами А.К.М. Согласно показаниям свидетелей, эти часы принадлежали убитому. При обыске их нашли у подсудимого. Он признался в их краже. Материалы допроса свидетелей, протокол обыска и допроса подсудимого идут под номерами пятнадцать, двадцать и двадцать один соответственно. При перевозке вещей убитого с места преступления часы были утеряны полицией.

Саймон кинул быстрый взгляд на присяжных. Никто не удивился. Видимо, это ничего не значит, раз Саймону ни разу не сказали об этом.

– Тебе не выбраться, – это, кажется, буркнул один из защитников, согласившихся прочитать дело.

Еще минут двадцать судья в красках расписывал присяжным, каким отвратительным человеком является Саймон. А затем:

– Однако, учитывая, что единственное прямое доказательство вины подсудимого – карманные часы – утеряно, а показания свидетелей вызывают определенные сомнения, суд выносит на рассмотрение присяжными в первую очередь предложение об установлении отсрочки вынесения приговора до момента обнаружения неоспоримых доказательств вины подсудимого, – спокойно произнес судья, будто бы его вовсе не интересовала судьба Саймона.

Присяжные, тихо переговаривавшиеся до этого между собой, замолчали.

– В случае, если предложение суда будет принято, Саймон Лившиц подлежит немедленному освобождению. В случае, если предложение суда будет отклонено, рассмотрение дела продолжится.

– Но ни к чему не приведет, – со своего места поднялся старшина присяжных. – Мы в любом случае должны будем его отпустить. В деле нет единой прямой улики против подсудимого, ни одного точного показания свидетелей. Единственное, что у нас было, – это часы убитого, которые украл подсудимый. Украл он их в момент убийства, это ясно как день. Но доказать мы ничего не можем. Судья Даррел, передайте главе городской полиции капитану Тиммонсу наши пожелания о наборе... более ответственных сотрудников. Коллегия присяжных отказывается от своего совещательного права по статье двести сорок третьей судебного кодекса Города. Мы принимаем предложение суда.

Саймон этого никак не ожидал. Проснувшись сегодня, он мысленно был готов к возвращению в камеру. И защитники, и полицейские убеждали его, что дело заранее проиграно, доказательства убедительны и судьба его в общем-то решена. Но вот незадача – судьба его, оказывается, зависела всего лишь от карманных часов. И именно их полиция умудрилась потерять!

Растяпы.

Саймон ухмыльнулся и внезапно расхохотался. Судья и некоторые присяжные обернулись на его смех. Ли Даррел нахмурился, но ничего не сказал.

Впрочем, смеялся Саймон недолго и быстро успокоился.

Что дальше?

Тупая боль, бившая Саймона в висок все время, пока шло заседание, усилилась, солнечный свет почему-то стал нестерпим для глаз, и пришлось зажмуриться. Его руки, освобожденные от веревок, мелко задрожали, захотелось до одури выпить хотя бы воды. Опустив лицо на ладони, опершись локтями о колени, Саймон Лившиц сидел на скамье подсудимых и тихо всхлипывал.

Ему стало страшно.

– Эй, – кто-то грубо дернул его за рукав тюремной робы – монотонно серой хламиды, – поднимайся, следующего сейчас приведут.

Это был конвоир, охранявший его, пока шел суд. Он пропал куда-то, когда стало ясно, что Саймона освободят.

– Повезло тебе, – пробормотал полицейский, вновь грубо его толкнув. – Пошевеливайся.

– А... можно я посижу здесь немного? – прошептал Саймон, не отрывая рук от лица.

– Идти некуда? – усмехнулся полицейский. – Ты жил ведь где-то?

– Да, на Желтой улице. – Саймон наконец поднял голову, провел рукой по бритому затылку. – Меня выселили сразу же, как арестовали. Убийцы не выходят отсюда, так ведь?

– Видимо, все изменилось, – буркнул полицейский. – Впрочем, делай что хочешь. Только подальше от этой скамьи. Вон, ведут уже.

С этими словами он скрылся из виду.

Саймон оглянулся на решетку в углу зала, закрывавшую вход в нижние камеры. Сейчас она была открыта, и на пороге стоял, шурясь от яркого солнечного света, проникавшего в зал суда, тощий мужчина, такой же бритоголовый, осунувшийся, как Саймон. В такой же серой робе. Лицо его было морщинистым, желтая кожа отвратительно шелушилась.

«И я так же шурился, наверное», – подумал Саймон.

Он молча встал и отошел в сторону, наблюдая, как арестанта ведут к скамье подсудимых.

– Саймон? – кто-то окликнул его.

– Что? Да, это я. – Он обернулся, а когда увидел, кто к нему обратился, поспешно добавил: – Миледи.

Перед Саймоном стояла женщина лет сорока, в темно-синем коротком платье – Саймон видел ее среди зрителей. Ее черные с сединой волосы были собраны в тугую хвост на затылке, кожа была бледна.

К ним подошел конвоир Саймона. Бывший арестант хотел было сказать ему что-то непременно грубое, но не успел даже и придумать, что именно, как стражник обратился к женщине:

– Миледи, вы просили принести вам воды. – Он протянул ей наполненную чашку.

Забрав ее, женщина коротко кивнула, отпуская полицейского.

– Пей! – приказала она, протянув чашку Саймону.

Тот на секунду застыл. Саймон жил в нищете последние годы, а потому с трудом мог определить, сколько стоит вот такая неброская одежда или эти простые на первый взгляд черные туфли. Но весь внешний вид женщины, ее высокомерная манера общения, ее плавные движения дышали богатством.

И вот эта богачка своими холеными руками протягивает ему, Саймону, бедняцкую чашку с водой!

Впрочем, жажда была сильнее зависти, а потому Саймон схватил чашку и мгновенно осушил ее.

– Ты знаешь, кто я? – спросила женщина.

– Нет, миледи. Простите.

– Меня зовут Ясмин Ларина, урожденная Арджент, – сказала она и, подойдя ближе, прошептала ему на ухо: – Убийство тебе бы никогда не смогли пришить, а вот из-за кражи дали бы пожизненное. Это я уговорила судью Даррела освободить тебя. Он должен мне.

– Я... Зачем вы это сделали? – Саймон отстранился от своей спасительницы.

Он слышал и раньше это имя, но никогда не встречался лично с его обладательницей.

– Ты против? – игриво улыбнулась Ясмин. – Ты мне понравился. Хотя за последнее время ты сильно... испортился.

Еще одна улыбка.

У Саймона мурашки пробежали по спине от этого слова – «испортился». Он знал, что и раньше был тощим и нескладным, с большими руками, сутулой спиной. Еще будучи подростком, он сильно переживал из-за своих прыщей, вылезавших постоянно на носу и лбу, но ничего с ними поделать не мог. И вот, теперь он испортился еще больше.

Видимо, леди так не понравились его обкусанные ногти и грязное лицо. Или, может быть, бритая голова? Грязная одежда? О, или тюремная вонь?

Она протянула вперед руку, ладонью вверх, на которой лежали дешевые карманные часы, обернутые в серый полупрозрачный платок из легкой ткани, – со стороны сложно было понять, что женщина показывала ему.

Те самые карманные часы, с инициалами А.К.М.

– Что вы хотите от меня?

– Молодец. Завтра я жду тебя в своем доме. Будешь у меня жить, работать лакеем и дворецким. Выполнять мои поручения.

– Но... я...

– Считай это приказом от своей хозяйки. – Она сладко улыбнулась в очередной раз и, повернувшись к нему спиной, бросила через плечо: – Катарин-стрит, пятьдесят восемь. Завтра, к двенадцати.

И ушла.

Вот и разгадка. Как же все просто! Несколько месяцев Саймон нищенствовал – у него не было денег, не было еды, он попросту голодал. Работы в Городе последнее время не было, а побираться Саймон не хотел.

Полгода назад он заболел; в одну из ночей ему стало совсем плохо – его лихорадило, он терял сознание, что-то бормотал. Денег на врача не было. А наутро выяснилось, что он задушил соседа в бреду – того нашли рядом с Саймоном утром.

Сосед, видимо, пытался успокоить его – рядом стояла миска с холодной водой и лежало полотенце, которое сосед прикладывал ко лбу больного. Полиция сначала хотела отпустить Саймона, но, обыскивав комнату, нашла в его вещах часы соседа, которые он украл еще до того, как заболел.

Полиция обвинила Саймона в убийстве, краже и попытке обмана. А с такими обвинениями в Город не возвращаются. Но вот теперь Саймону придется вернуться, и если не к нищете, то как минимум в рабство к этой женщине.

Тут он понял, как устал, – в одно мгновение внешний мир, который был отделен от него тюремными прутьями, серыми стенами казематов и спинами полицейских, обрушился на него, поглотил и указал на его место.

Саймон был один, брошен, раздавлен, без денег, вещей, дома и друзей. Он ненавидел свою прошлую жизнь за нищету, за вынужденные кражи, он ненавидел жизнь в тюрьме за отсутствие свободы, но понимал, что обретенная тогда бесцельность в стенах тюрьмы была хотя бы оправданна.

И теперь ему снова вернули его свободу, и всю его бессмысленность, и унижения, с которыми он жил.

Саймону снова стало страшно.

Еще эта женщина – она была отвратительна. Нужно будет украсть часы и бежать – решил Саймон. А пока – можно оглядеться.

Как же он устал...

Саймон вышел на Храмовую площадь в числе последних. Он не хотел оборачиваться и смотреть на сам храм, хотя этот вид всегда завораживал его.

Центральная площадь Города буквально кишела людьми; солнце давно миновало зенит и висело теперь над серой стеной, окружавшей колонию. Пробравшись сквозь толпу, Саймон побрел в сторону Желтой улицы: возможно, его одежду не успели еще выкинуть.

Чтобы попасть на Желтую улицу, которую и улицей-то назвать можно было с трудом, нужно было свернуть с чистого широкого проспекта, связывавшего Храм и Южный Город, в неприметный проулок между посудной лавкой и жилым домом, пройти насквозь грязную темную арку и оказаться наконец на тихой, глухой площади, примыкавшей к городской стене. Вот и вся улица – одна площадь, по краям которой теснилась дюжина трехэтажных бедняцких барачков. Света здесь постоянно не хватало: серый пяточок земли со всех сторон был зажат тенями от домов, и в часы, когда солнце только поднималось к полуденной своей вахте, тень от стены создавала полумрак.

На первом этаже дома Саймона встретила Катерина, фамилии которой он не знал. Тихая, замкнутая девушка с короткими русыми волосами и крохотным мышинным личиком никогда не нравилась Саймону, но сейчас, встретив ее, он неожиданно обрадовался ей.

– Катерина... – тихо позвал он, подходя ближе.

Девушка стояла к нему спиной, читала Писание – книгу, составленную первым настоятелем Храма по памяти и экземплярам священных книг со старой Земли, когда стало ясно, что связь с домом потеряна. Книга скорее представляла собой исторический анализ, чем самостоятельный трактат.

– Саймон? Ты! Тебя отпустили, но... как? – От неожиданности она растерялась.

Раньше они редко общались друг с другом. Саймон не любил девушку за ее участие ко всем, и особенно за то, что она однажды предложила устроиться ему дворником и охранником на свечной завод Ильи Ларина, приходившегося освободившей Ясмине мужем.

– Меня оправдали. Сказали, что я этого не делал, – соврал Саймон.

– Как хорошо! – восторженно воскликнула Катерина и замолчала. Видно было, что ей стало неловко за проявленные эмоции, но при этом выражение лица у нее изменилось – стало более спокойным.

– Что такое? – спросил Саймон.

– Нет, нет, ничего. Я просто рада. Правда рада, что тебя отпустили. Но твои вещи... – Тут она снова погрузилась. – Их раздали, все. Даже одежду. И в комнату уже жилец новый въехал. Мы не думали...

– Ничего не осталось? Совсем ничего? – Последняя надежда рухнула.

Катерина покачала головой.

– Ну а слышно что-нибудь? – неуверенно спросил Саймон.

Разговаривать им было больше не о чем, – прожив в одном доме несколько лет, они плохо знали друг друга. Саймон только слышал, что Катерина попала когда-то давно в какую-то плохую историю, связанную с ее сестрой. По слухам, они что-то украли, но сестра бросила ее и сбежала куда-то на юг, подальше от полиции. А всю вину едва не свалили на Катерину. Каким-то чудом девушка выпуталась из этой истории.

– О чем ты говоришь? – переспросила Катерина.

– Наверняка соседи меня обсуждали. И вообще – кто и чем живет в Городе?

Катерина покраснела.

– Не знаю, не слушаю я их, – твердо сказала она.

– Почему? Ты же в Храме работаешь – всегда свежие слухи рассказывала. – Саймон был удивлен такой ее переменой.

– Нет, тебе показалось.

– Я пойду, наверное, – сказал наконец он, когда молчание затянулось, и внезапно даже для себя усмехнулся, – не знаю куда и зачем, но... пойду.

– Постой, я могу поискать тебе работу, хочешь? – встрепенулась девушка. – Помнишь то место, у Ларина? Я могу договориться...

– Нет, спасибо. – Саймон покачал головой. – Я уже нашел себе работу. Не дворником даже.

Сказал, а самому тут же стало противно. Он смешно дернул головой на прощание и выбежал из дома.

Снова он оказался на Желтой улице. Саймон чувствовал, как они – старые и страшные дома с крохотными вонючими комнатами, общей кухней на каждом этаже и огромной душевой на первом этаже – смотрели на него со всех сторон.

Прочь, прочь от затхлости и пыли этого места, сквозь длинную арку обратно на проспект, в толпу людей!

Оказавшись на проспекте, Саймон огляделся. Нужно было где-то переночевать, найти одежду. Тихонов! Конечно. Старый приятель, который помогал ему с работой, даже пытался взять к себе в подмастерья.

– Саймон Лившиц? – окликнул его кто-то, отвлекая от мыслей о ключнике.

Позади него стоял мальчишка и протягивал записку.

– От кого это? – спросил Саймон.

– Это от судьи Даррела. Он просил передать, что это никак не связано с вашим делом. Я ждал вас у выхода, но потерял в толпе.

«Зайдите в Храм после суда. Встретимся у класса истории. Второй поворот налево после входа в полицейский департамент. С. Д.»

– Судья рассказал, где я живу... жил? – с кривой усмешкой спросил Саймон.

– Да, – неуверенно ответил мальчишка.

– Что он от меня хочет?

– Я... не знаю, я просто доставил вам записку.

– Ты ведь прочитал? – Саймон внимательно посмотрел на мальчишку.

– Записка не была запечатана... – попытался оправдаться он, но Саймон, нахмурившись, молча прошел мимо него и направился обратно к Храму.

Храмом это место называли условно; скорее это был целый Храмовый комплекс с библиотекой, залом суда, университетом и школой. Там же, среди лепившихся друг к другу церквей и канцелярий, помещались центральный департамент полиции, торговая палата и множество других служб, о которых Саймон не знал практически ничего.

Но еще выше, над куполом собора и минаретом, поднимался красно-белый маяк со стеклянными стенами последнего этажа; если верить городским легендам, в маяке жил Архитектор – невидимый глава города, стоявший над канцлером, мэром, судьей и даже над бароном Франку – директором городского банка. Кроме него в маяке обитали мрачные молчаливые люди – гвардейцы. И только они имели доступ к городским складам с редкими ресурсами и материалами. Проблема существовала одна – в маяке не было дверей.

Храм, необъятный и величественный, расположился полукругом по периметру площади – такой же огромной, как и он сам; фонтан из серого мрамора в центре площади подбрасывал к небу струи воды, омывавшие каменную фигуру короля Георга.

Обогнув фонтан, Саймон быстро зашагал в сторону вечно распахнутых дверей Храма. Напротив входа на стене холла висели указатели – кабинеты лордов-советников находились за учебным корпусом в правом крыле.

Поначалу Саймону показалось, что эта часть Храма была пуста, что было довольно странно, учитывая послеполуденное время. Лишь миновав с полдюжины залов – больших и малых, монотонно-серых или ярко-веселых, – он наконец нашел комнату, о которой в записке

упомянул судья. Группа из двадцати с небольшим человек, студентов, слушала лекцию по истории Города в просторном светлом классе. Голос старичка, стоявшего за кафедрой и тяжело на нее опиравшегося, шелестел над головой студентов, засыпавших даже на неудобных и жестких храмовых стульях.

– ...Когда на старой Земле удалось победить все болезни, а ресурсы, за которые стоило бы воевать, были либо исчерпаны, либо стали никому не нужны, люди, наши предки, наконец-то вернулись к идее полетов в космос. Возможно, конечно, связь была обратной – космос так очаровал людей, что они перестали воевать. Но мне хочется верить, что это была последовательная эволюция человечества, которому остро нужна цель, новая идея. К тому времени на старой Земле удалось построить подобие идеального общества, управляемого технократами. Об этом мы с вами говорили в начале наших занятий. Я не буду останавливаться подробно на общественном устройстве старой Земли – это было единое государство с одним правительством планетарного масштаба...

– Мы живем в таком месте, где абсолютно ничего не меняется, – шепнул кто-то на ухо Саймону.

За его спиной стоял Даррел. Он был по-прежнему одет в традиционную судейскую мантию черного цвета, на груди блестел значок лорда-советника: буква «С», заключенная в квадрат. Ростом судья превосходил не только Саймона, но и прочих членов городского Совета; чтобы прошептать эту незамысловатую фразу, ему пришлось сложиться едва ли не пополам.

– Лорд-советник, вы хотели меня видеть, – процедил сквозь зубы Саймон.

– Я предлагаю подняться в мой кабинет, там нам никто не помешает. – И, не дожидаясь ответа, судья развернулся и пошел в сторону одной из широких мраморных лестниц.

Вообще весь Храм представлял собой комплекс запутанных коридоров, залов, анфилад, лестниц, молельных комнат, чиновничьих кабинетов, кладовых и прочих помещений, возникавших то тут, то там в совершенно непредсказуемом порядке и подчинявшихся абсолютно непонятной логике.

– Я помню эту лекцию о старой Земле, о потерянном для нас рае, – неожиданно продолжил разговор судья, когда они почти поднялись по лестнице. – Вот только ни этот старик, ни мой учитель никогда не рассказывали, что идеальное общество жестко преследовало своих противников по всей планете, а после – и за ее пределами. Малейшая помеха общему благу, малейшее противодействие, пусть даже в простой мысли или в слове, – и человек исчезал. Но, впрочем, можешь мне не верить – ты, в конце концов, слышал на таких уроках официальную версию, утвержденную еще королем Георгом.

Саймон не стал на это отвечать – старик прекрасно знал, что он не учился в Храме, хотя писать и считать умел. Нечего тешить его самолюбие.

Кабинет судьи показался Саймону излишне вычурным: отделанные мрамором стены и пол, колонны, корешки книг в шкафах до потолка, сукно на столе, шторы – все было выполнено в изумрудно-зеленых тонах; однако, несмотря даже на такую однотонную, мрачноватую отделку, и это следовало признать, из кабинета не хотелось сию же секунду убраться подальше. Зеленый цвет, вопреки всему, не успокаивал в данном случае, но и не волновал излишне гостей. И, разумеется, Саймон никогда раньше здесь не был.

– Присаживайся, пожалуйста, – привел в чувство замершего в дверях Саймона голос судьи.

Старик успел за те несколько мгновений, пока он рассматривал с открытым ртом потолок, устроиться за столом в другом конце комнаты и теперь безучастно разглядывал себя в черном зеркале, висевшем справа от стола.

– Саймон, я не просто так предложил встретиться у класса истории, – произнес судья, когда тот устроился в кресле напротив него. – Старик любит сравнивать старую Землю с Астаротом. Но есть два вида истории – официальная, которую рассказывал учитель, и правдивая,

которую рассказал тебе я. И они всегда будут отличаться друг от друга. Как и роли, сыгранные в них людьми. Подумай над своей ролью.

Судья выдвинул ящик стола и достал из него потрепанную книгу в синей обложке.

– Вот, прочитай, когда время будет. – Судья Даррел протянул книгу Саймону. – Это жизнеописание Лукаса Виго – его дневник. Он бежал со старой Земли под видом переселенца и оказался здесь, на Астароте. Люди думают, что Лукас сам издал книгу, но он лишь оставил черновики после себя; когда король Георг был свержен, внуки Виго издали его записки в виде этой книги. Она быстро разошлась по рукам. Очень поучительная вещь.

Саймон осторожно взял книгу в руки и наугад открыл ее. Шрифт был достаточно мелким, бумага пожелтела, от книги пахло пылью и старостью.

– Мы не делаем ничего нового, Саймон. Когда прочитаешь книгу, ты поймешь это. Лукаса преследовали на старой Земле за его взгляды, которые он излагал слишком открыто. Он считал, что общество никак не должно влиять на него и что он сам ничем этому обществу не обязан. Но, видишь ли, так не бывает. Свободы человека не безграничны, и их можно подвинуть в угоду общему благу. Виго и его сотоварищи, которых набралось изрядно, противились такому взгляду на жизнь. И для них построили специальную тюрьму на Земле. Откуда Виго и сбежал на Астарот. Ну и, кроме того, я хочу, чтобы ты не питал иллюзий на свой счет, – продолжил судья. – Я знаю, что ты успел поговорить с леди Арджент.

Саймон захлопнул книгу и принялся молча буравить его взглядом.

– Видишь ли, то, чем занимаются лорды-советники, называется простым словом «управление». Мы принимаем решения, когда-то сложные, когда-то простые. Иногда полезные, а иногда странные и никому не нужные. Вот как это, с твоим освобождением. Леди Арджент побывала на одном из заседаний суда, и ей... показалось, – судья буквально выплюнул это слово, – что ты невиновен. И что мой помощник просто этого не понимает. Она просила отпустить тебя под ее ответственность. Но какая ответственность может быть у человека, подписывающегося не своим именем и чужим титулом? Она давно замужем, а титул ей вряд ли когда-нибудь достанется. Но она понимала, что я не смогу отказать ей в силу определенных причин, и только поэтому просила меня нарушить все известные мне правила и законы. Больше ей не удастся разыграть эту карту.

– Я понял вас, – кивнул Саймон. – Это все? Я могу идти?

– Нет. – Судья покачал головой. – Я тебя вызвал не для того, что плакаться в жилетку. Ни ты, ни кто другой мне для этого не нужен, поверь. Я отдаю себе отчет в принятых мною решениях.

Он на секунду замолчал, рассматривая Саймона, а затем добавил:

– Я хочу, чтобы ты понял, что ты не вызываешь у меня никаких эмоций. Таких людей, как ты, за этими стенами еще полмиллиона, а я должен о них заботиться. В меру своих сил.

– От меня-то вы что хотите? – Саймон со злобой посмотрел на лорда-советника.

– Хочу, чтобы ты знал – за тобой будут следить. За каждым твоим шагом. Я знаю всю твою историю – историю безродного нищего, с малых лет пытавшегося пролезть в люди. У тебя это так и не получилось. Но ты продолжаешь стараться, и как только ты оступишься, я упрячу тебя обратно, в нижние камеры. В общем и целом мне абсолютно все равно, кого отправлять в нижние камеры и по какой причине. Законы Города с каждым годом становятся в этом отношении все проще и проще. Сделал неправильный шаг – в нижние камеры.

Саймон встал и, молча повернувшись спиной к старику, пошел в сторону двери.

– Но я могу забыть о твоём незаконном освобождении.

Он остановился.

– Вернись, – последовал приказ от лорда-советника.

Саймон сжал кулаки – он понимал, что старик что-то хочет от него и если он сейчас вернется, то уже не сможет вылезти из этого болота. Но в то же время осознавал, что и возвращаться вниз, в тюрьму, у него нет никакого желания.

– Хорошо, молодец, – коротко кивнул судья, когда Саймон сел обратно в кресло. – Полагаю, что уже все в Городе понимают – против нас, лордов-советников, законных правителей, зреет восстание. Мальчишка Артур Васильев рвется к власти. Увы, нам пока не удалось его поймать. Одним из его... сподвижников... является Илья Ларин, в доме которого, как я понимаю, ты будешь жить. Мне нужно, чтобы ты докладывал обо всех его гостях: кто они, о чем говорили с Лариным. Последнее – если получится. Сам Илья нам малоинтересен – он всегда на виду, и мы прекрасно знаем, чем он занят. Но вот Артур... Я понимаю, что прислугу не будут приглашать на совещания, но ты уж постарайся.

– Понял, – ответил Саймон, разглядывая свои колени.

– Если окажешься полезным, я оценю твои старания в титул лорда, дом и, например, место в центральном департаменте полиции. А лорды в истории этого Города редко играют плохие роли.

– Но... это... – У Саймона перехватило дыхание от услышанного – легкость, с которой судья Даррел перешел от шантажа к откровенному подкупу, вызвала в нем злость. Старик попросту и не собирался считаться с его мнением.

– Много? Слишком хорошо, чтобы быть правдой? Я не согласен. Каждой работе в этом Городе соответствует определенная оплата. Кроме того, все это – лишь результат счастливого стечения обстоятельств. Счастливого для тебя.

Как я говорил, ты у меня не вызываешь никаких эмоций, но раз у тебя появился шанс стать полезным всему Городу, я даю тебе возможность его реализовать. Каждую субботу к тебе будет приходиться человек – передавай ему информацию на бумаге. Все, можешь идти.

Саймон выбрался из кресла и поплелся прочь из кабинета.

– Простите, – буркнул он, столкнувшись в дверях с рыжеволосым мужчиной в строгом черном костюме. На вид ему было около тридцати, среднего роста, холеный богач. Ничего нового. С кем еще мог встречаться в своем кабинете судья?

– Ничего страшного, – ответил тот, глядя в спину удалявшемуся по коридору Саймону.

– Даниил, добрый день, – приветствовал его судья. – Простите за задержку.

– Все в порядке, милорд, – ответил Даниил Кондратьев, приближаясь к столу лорда-советника. – Отец сказал, вы хотите поговорить со мной и... предложить работу?

Он неуверенно посмотрел на старика. Судья поднялся из-за стола и вышел ему навстречу, протягивая руку.

– Спасибо, что пришли. Да, все верно...

– Позвольте спросить: кто этот человек? – Даниил кивнул в сторону двери.

– Преступник. Все, что он сделает полезного в своей жизни, – предаст меня в ближайшее время и будет надеяться, что я никогда об этом не узнаю. Но не будем о нем. В сложное время вы решили играть свадьбу.

– О... да. Вы знаете? – Даниил зарделся и неловко улыбнулся.

– Конечно. И очень рад – Маргарет Грей... несмотря ни на что, она – отличная партия для вас сейчас. Но предстоящие дела все осложняют.

– Так вы думаете, что пристенные могут взбунтоваться на самом деле?

– Определенно. Мы не можем это остановить, но подготовиться и достойно отразить атаку так, чтобы покончить с мятежниками в один день, – в наших силах. – Судья неопределенно пожал плечами. – Вы не были вблизи лагерей нищих?

– Нет. – Даниил начинал чувствовать себя неуместно в этом кабинете. Оба они просто стояли посреди комнаты и вели странный разговор о бедняках.

– Они сползались в карантинные кварталы последние месяцы крайне медленно, – сказал судья. – Но за две прошедшие недели численность лагерей резко утроилась. Полагаю, они получили приказ.

– Я слышал, что они просто хотят... – начал было Даниил, но лорд-советник его перебил:

– Да, да, хотят жить в квартирах, а не в бараках. Но мы не просто так запретили селиться в карантинных кварталах. К сожалению, в какой-то момент полиция уже не смогла сдерживать поток переселенцев, и нам пришлось им уступить. Но боюсь, что одним переселением дело не закончится. То, что это был банальный сбор сил, передислокация, – стало понятно сразу. Мне, по крайней мере. Но до вчерашнего вечера у меня не было информации о том, что может стать причиной восстания, а главное – как они будут воевать с нами без оружия. До вчерашнего вечера. Видите ли, Даниил, мне неудобно в этом признаваться, но, кажется, меня предали.

Сказав это, судья отвернулся от Даниила и пошел в сторону одной из неприметных дверей в кабинете.

– Кто? – спросил Даниил, подходя вслед за стариком к двери.

– Лорд Грей. – Судья потянул на себя дверь – за ней обнаружился короткий узкий коридор и винтовая лестница вниз. – Пойдемте, я расскажу вам все.

– Как мог лорд-советник предать вас? – в замешательстве спросил Даниил.

Джереми Грея он знал много лет – их отцы дружили со времен учебы в университете, а сам Даниил все детство провел рядом с Марго. Маргарет Грей.

Собственно, детство их проходило поочередно то в южном имении Кондратьевых, то на озерах Греев. Они ходили вместе в школу при Храме, позднее – поступили в местный университет. И даже по его окончании виделись достаточно часто. И когда возникла необходимость, – а это была именно необходимость, – лучшего кандидата в мужа Маргарет Грей не нашлось.

– Полагаю, он сам еще об этом не знает. Все будет зависеть от того, что мы с вами обнаружим внизу, – сказал судья и первым шагнул в полутьму лестницы. Редкие электрические светильники, развешанные по стенам, скудно ее освещали.

– А куда мы идем?

– Нужно проверить городские склады. Раньше ими занимался специальный человек, нанятый лордом Греем. Диего Харди. Но три дня назад он пропал, а вчера вечером объявился в одном из лагерей мятежников. И причем не просто объявился, а возглавил его, сместив прежнего лидера Уиллу. Я еще, помнится, удивлялся одно время, как такая нерешительная женщина может руководить размещением тысяч человек в карантинных кварталах. Я поднял отчеты Харди, которые он составлял для Совета, а лорд Грей их подписывал. Согласно этим отчетам, в Городе всего вдоволь: и еды, и запчастей для солнечных станций, и эссенций для производственных станций. Меня беспокоит такой быстрый побег, – полагаю, он нас ограбил. Вопрос в том, что он вынес.

– Но лорд Грей мог не знать... – попытался оправдать лорда-советника Даниил.

– Я понимаю – вам сложно в это поверить. Джереми Грей, скорее всего, действительно не при делах. Но, в конце концов, это была его ответственность. Вот скажите, как мне с ним поступить, если пропало что-то ценное?

– Я... я не могу судить, милорд. Это... это не мой уровень, – пробормотал Даниил. – В любом случае необходимо поступать по закону.

– Должно быть, сложно вам живется, – ответил на это судья. – Вы так трепетно относитесь к правилам. Не бойтесь, что из-за этих самых законов сами пострадаете?

Даниил не нашелся что сказать. Судья был, как всегда, прав – если старик и не следил пристально за его жизнью, как следил за тем же Диего Харди, но разгадал эту маленькую слабость Даниила в два счета.

Даниил Кондратьев был из той породы людей, которые, перейдя дорогу в неполюженном месте, еще несколько часов думают об этом, мучают себя понапрасну. Каждое, даже крохот-

ное, нарушение правил заставляло Даниила придумывать себе оправдания, успокаивать себя, думать, наконец, что он будет говорить, если его поймут даже спустя несколько дней. И от этого ему становилось только хуже и хуже. До тех пор, пока беспокойство это не забывалось, убаюканное собственноручно сочиненными сказками. А вскоре забывались и сами сказки.

– Даниил, я не хочу скандалов. Строго между нами – говорю, как есть, после того, как мятеж будет подавлен полицией, а вы женитесь на Маргарет Грей, Джереми сложит с себя полномочия лорда-советника, а его место займете вы.

Впрочем, я не могу во всем винить Джереми, – помолчав с минуту и не дождавшись никакой реакции от Даниила, шедшего позади, добавил судья. – Сомнений в преданности Харди у меня не было – он не давал тому ни единого повода. Да и полиция охраняет все входы и выходы на городские склады, а ключи есть только у лордов-советников. И у самого Харди. Честно говоря, я до сих пор надеюсь, что Диего просто вернулся к племяннику – он тоже в восстание играет... как же его... Ферран, кажется.

Пока они спускались – Даниил не мог точно определить, сколько времени это заняло, – в тусклом свете редких электрических ламп он разглядел всего три двери, выведившие, видимо, обратно в Храм.

– Мы под Городом? – спросил Даниил, когда лестница осталась позади и они оказались в длинном тоннеле высотой в несколько десятков метров. Под потолком и на стенах висели яркие электрические лампы, слепившие глаза. Стены тоннеля, как все городские подвалы, были обшиты металлическими листами.

– Да, – ответил судья. – Эти коридоры не сообщаются никак с другими подвалами Города. Попасть сюда можно либо из кабинетов лордов-советников, либо через западную площадь за Храмом.

– Зачем нужны такие высокие двери? – спросил Даниил.

Двери каждого склада и правда были циклопическими – высотой не меньше пяти метров, они резко выделялись на фоне однообразных серых стен белым цветом и огромными черными цифрами, обозначающими номер склада.

– Когда их только заполняли, еще при Уоллесе Гранте, использовались огромные грузовые платформы, – ответил судья и двинулся вглубь тоннеля.

Людей вокруг было немного – в основном патрульные полицейские.

– У Диего Харди были помощники? – спросил Даниил Кондратьев. – Не мог же он один контролировать работу всего комплекса.

– Три десятка человек, – ответил судья. – Я проверил их прошлое – все пришли на работу в течение прошлого года по приглашению Харди. Старых сотрудников уволили.

– И, разумеется, все новички пропали вместе с Харди, – предположил Даниил.

– Да. – Судья кивнул не оборачиваясь. – И все они...

Мимо них прошел очередной патруль – лорду-советнику пришлось замолчать.

– ...И все они появились за последнюю неделю в лагере Харди, – продолжил он.

– Он не мог просто сбежать?

– Очень на это надеюсь. Как только я получил донесение о побеге, я стал просматривать отчеты. На бумаге Диего Харди выполнял работу добросовестно – ежемесячные проверки количества эссенций для пищевых станций, для станций по производству одежды. Все эти пункты последовательны. Но меня крайне беспокоит вот что. Ни в одном отчете, кроме годового, он не упоминает оружейные склады. И если мои догадки верны, нас ждет не просто мятеж, нас ждет война.

Они остановились возле склада номер четырнадцать. Судья извлек из кармана мантии связку ключей.

– Самая большая ценность во всем Городе, – сказал судья, встряхнув ее.

Отыскав ключ с биркой, на которой черными выцветшими чернилами была выведена цифра 14, лорд-советник вставил его в неприметную замочную скважину, после чего помахал рукой приближавшемуся к ним патрулю из трех полицейских.

– Охраняйте вход на склад, пока я и господин Кондратьев будем внутри, – распорядился он, едва полицейские подошли к ним. – Никому не сообщать о нашем визите, это приказ лорд-советника. Как вас троих зовут?

– Сержант Кошта, сержант Бергани... – сообщили два офицера, а третий, самый молодой, замешкался, но быстро выдал:

– Ильнар... курсант Гасанов.

– Капитан Тиммонс стал направлять сюда курсантов? – Лицо судьи непроизвольно вытянулось. – Я переговорю с ним.

– Сейчас на этом уровне шесть патрулей. У нас примерно минут десять, пока оставшиеся тройки не вернутся обратно, к этому складу, – сказал лорд-советник, когда за ними закрылась дверь склада. – Подозреваю, что среди патрульных есть предатели.

Даниил ожидал, что придется открывать большую дверь, однако в ней оказалась вырезана обычная, в человеческий рост, панель, отъехавшая в сторону, едва судья повернул ключ.

Тихо щелкнул выключатель, затем еще один – под потолком зажглись сотни лампочек.

Даниил огляделся. Куда-то вдаль уходили бесконечные стеллажи, заставленные коробками всевозможных размеров, противоположная стена с трудом угадывалась вдалеке.

Судья уверенно прошел мимо первой секции и, заглянув в одну из коробок, затем – в еще одну, потом прошел дальше и вытащил с нижней полки большой ящик. Когда лорд-советник отодвинул крышку, Даниил заглянул внутрь – пусто.

– Если верить записям двухлетней давности, в этой коробке должна лежать взрывчатка, привезенная со старой Земли. Нас обокрали – вынесли практически все. Первые стеллажи не тронули ради маскировки, но вот дальше, – судья покачал головой, – все пусто. Целый год у нас из-под носа выносили оружие. Ладно, уходим. Мы опоздали.

Быстро погасив свет, Даниил и лорд-советник вышли обратно в тоннель – полицейские ждали их снаружи.

– Продолжайте патрулирование, – скомандовал судья Даррел и быстрым шагом двинулся дальше. – Даниил, уезжайте из Города на юг. Сыграйте свадьбу там, – внезапно проговорил судья. – Теперь у мятежников есть оружие и взрывчатка. И того и другого вдоволь и у полиции – есть еще запасы. Но если будет война... если Храм захватят... я хочу, чтобы в живых остались молодые лорды – вы сможете договориться с Артуром Васильевым.

– Так это он за всем стоит?

– Да. Среди самых доверенных ему людей есть наш человек, который вчера сумел передать крайне важные сведения. Верхушка мятежников не знает друг о друге ничего – только Васильев обладает всей информацией, только он отдает все приказы. Идеальная фигура проводителя всех обиженных – молодой лорд, вырвавшийся из грязи, из пристенных барачков. Его слушают люди, когда он говорит о власти.

– Откуда вы знаете?

– Я подслушивал. О, он умен. По всему Городу разбросаны крошечные ячейки из пяти – семи человек, которых Васильев контролирует лично.

– Почему вы их не арестуете? – спросил Даниил, едва поспевая за стариком.

– Полгода назад он пропал – мы так и не сумели его выследить с тех пор, – пожал плечами судья. – Мы не можем надавить на него через его отца – тот получил титул лорда не без помощи лорда Грея с год назад, что, к слову, тоже подозрительно. И на него у нас ничего нет. Просто так арестовать его мы не можем, а вечно таскать по допросам – дело неблагодарное. Сын с ним не поддерживает никаких контактов. Арестовывать членов ячеек, даже если мы узнаем имена каждого из них, – дело такое же бесполезное, – финансовая схема, которую придумал

Васильев, чтобы настроить против нас всех бедняков, уже сработала. Теперь все зависит только от него – как только он даст отмашку, начнется война.

– Как же так получилось, милорд?

– Я не могу отвечать за все сразу в этом Городе.

– Простите...

– Не надо, не извиняйся. Я не такой зверь, как обо мне говорят на улицах Города. С подачи Артура Васильева среди пристенных всех лордов-советников, а меня особенно, рисуют такими мрачными и страшными фигурами, что, будь я на их месте, сам взялся бы за нож и пошел воевать против себя, – вздохнул судья, останавливаясь наконец перед двадцать девятым складом. – В нашем Городе слишком много людей, которые от эмоциональной своей нищеты мыслят исключительно абсолютными мерами. А политика наша состоит из полумер – из меньшего зла, если угодно. Уж прости, я давно заготовил эту речь.

Судья огляделся – патрулей не было видно, – снова достал связку ключей и открыл дверь склада.

Внутри не было стеллажей и коробок, – просторный вокзал – огромная площадь с полу-дужиной путей и платформ.

– Добро пожаловать на второй уровень городских подземелий, – произнес тихо судья.

– Что это за место?! – Даниил пораженно рассматривал ряды платформ.

– Никто не знает. Вероятно, с этого места и началось строительство Города. Этот склад опечатан – даже у Харди не было ключей от него. Только лорды-советники могут сюда заходить.

– И зачем мы здесь?

– Этого места нет ни на одной карте Города, оно не упоминается ни в одной книге. – Судья стал спускаться по широкой лестнице вниз, к первой платформе. – Лорды-советники редко заходят сюда – считается, что все эти пути связаны с наземным городским транспортом через запасные пути на центральном вокзале и тоннелем в южной стене. Мне потребовалось несколько лет, чтобы изучить все возможные варианты – ни один из них неверен. Не существует во всем Городе дорог, которые бы приводили на эту подземную станцию.

Оказавшись на платформе, Даниил огляделся. Освещение, которое включил лорд-советник, едва оказавшись внутри, было скудным – ни потолок, ни дальние стены склада рассмотреть было невозможно. Вокзал представлял собой просторное помещение с теснившимися по периметру хозяйственными комнатами. Основную его часть занимали шесть платформ с возведенными между ними мостами. Каждую платформу делили пополам скамейки, вытянувшиеся в стройную линию.

И все здесь было покрыто пылью. Пыль поднималась в воздух от каждого движения лорда-советника и Даниила, залезала в ноздри, мешала дышать.

– Я слишком долго откладывал то, что собираюсь сейчас сделать. – Судья говорил медленно, шел по платформе не оборачиваясь – теперь к ее дальнему краю. – Непозволительно долго.

У Даниила пересохло горло от волнения – давно, с детства, он не бывал в местах, запретных для окружающих. Последний раз его уговорил наведаться на закрытую станцию его старый приятель, с которым они уже много лет не общались. Тогда их поймали, и отец строго наказал Даниила.

– В старых книгах, в дневниках первых поселенцев, в хрониках королей я видел крупницы историй – словно бы кто-то не до конца стер свои записи, за которые стало внезапно стыдно. Или страшно, что их прочитает посторонний человек, – продолжил рассказ судья. – Я думаю, что эти пути уведут из Города к кораблям Уоллеса Гранта, на которых мы можем улететь на старую Землю.

– Что? Вы уверены? – Даниил обогнал старика и застыл перед ним.

– Да, Даниил, практически уверен, – ответил Даррел, но тут же поправил себя: – Нет, пусть будет – «надеюсь, что это правда».

– Но зачем нам это?

– Зачем нам – что? Дорога домой? – Старик поднял брови.

– Да, ведь можно оставить все как есть...

– Ты многого не знаешь пока. Да и не будет так, как было раньше. У бунтовщиков есть оружие и взрывчатка, которая невесть сколько здесь пролежала. Я даже не уверен, что в нужный момент она взорвется. Но суть в том, что это последний наш козырь.

Судья остановился у края платформы, за которым начиналась короткая лестница вниз, в темноту тоннеля. Оглядевшись, старик подошел к скамейке и сел, указав Даниилу на место рядом с собой.

– Даниил, – заговорил он чрезвычайно мягко и вкрадчиво, – ты хороший человек. Со своими недостатками. Поверь, в Городе достаточно детей лордов, которые могли бы занять место Джереми. Но только у тебя, среди всех достойных кандидатов, есть одна важная способность – несмотря ни на что, в нужный момент ты поступишь правильно, по написанному. И вот тебе новый закон, если хочешь, о котором будешь знать только ты. Если случится так, что ты станешь лордом-советником, а весь Город будет погибать – предложи людям бежать на корабли по этим путям. А если они не пойдут – выключи Дерево. Ради общего блага.

– Но это запрещено! Это опасно!

– Да. – Старик пожал плечами. – Мной же и запрещено. И да, опасно. Для тебя я этот запрет снимаю. Могу даже сделать это письменно, если захочешь. Поверь, если в Городе не станет власти лордов-советников, устоявшейся за многие годы, нас всех ждет анархия и хаос. – Тут он махнул рукой. – А теперь – вниз, хватит сидеть здесь.

Он легко поднялся и пошел в сторону лестницы.

Света от карманного фонарика судьи хватало ровно для того, чтобы в нужный момент не споткнуться об очередной камень или причудливый мусор. Даниил насчитал несколько древних металлических ящиков, два-три поломанных стула и – без счета – пластиковых и железных конструкций туманного назначения. Все это беспорядочно было разбросано среди шпал на земляном полу.

– А, я так и думал, – внезапно сказал судья, наведя луч фонаря на что-то впереди.

Даниил выглянул из-за его плеча и увидел поезд, стоявший у очередной платформы.

– Видишь, двадцать девятый склад – не первая станция, но явно последняя в черте Города, – пояснил судья.

– Мы вышли...

– Да, Даниил, мы вне Города.

– Но как мы дышим?

– Полагаю, металлическая обшивка тоннелей герметична и не пропускает воздух наружу. Вопрос в другом – тут должна быть вентиляция, но я не могу понять, где она.

Они забрались на платформу – эта станция была совсем крохотной: всего один путь, ряд скамеек и лестница, доступ на которую был перекрыт мощной решеткой и дверью за ней.

– Как интересно... как интересно, – бормотал судья, рассматривая решетку. – Ключа от этой решетки нет даже у меня. И ее очень давно никто не открывал.

Он отошел на шаг назад и стал рассматривать станцию.

– Платформа слишком мала, – сказал Даниил, – думаю, она была... незначительной. Не такой, как вокзал на складе.

– Да, да, я тоже об этом подумал, – кивнул судья. – Хорошо, тут мы все равно ничего не найдем. Давай-ка попробуем запустить поезд.

Даниил хотел было возразить, но не посмел – лорд-советник умел не только говорить тоном, не терпящим никаких возражений, но и ходить он умел с такой же несгибаемой решимостью и упрямством.

Даниил всегда восхищался этим человеком. Судья мог быть одновременно и суровым, и мягким, он всегда оставался превосходным стратегом.

И от этого-то как раз Даниилу теперь было не по себе – работа, предложенная стариком, была ему не по душе. Не любил он все эти бумаги, кабинеты, подчиненных, хотя и занимался часто именно этим в последние годы. Ответственность, которая ложилась на Даниила, претила ему. Он не хотел быть лордом-советником. Нет, он непременно бы справился с этим. Возможно, не сразу. Возможно, даже с кучей ошибок поначалу. Но справился бы, непременно. Но хотел ли он этой ответственности?

Судья же, пока Даниил рассматривал его тощую спину, успел найти невидимую в темноте кнопку и нажать на нее – двери первого вагона открылись, внутри зажегся свет, осветив сразу же платформу.

Внутри было так же пыльно, как и везде, – здесь давно никто не появлялся.

– Даниил, подойди, пожалуйста, – позвал его судья.

Он стоял возле входа в кабину машиниста и рассматривал дверь.

– Механизм старый, – сообщил старик, – интересно, как он открывается? А... Например...

Он повернул вентиль до упора и потянул на себя дверную ручку – дверь с тихим щелчком открылась.

– Обычный поезд, – сказал Даниил, рассматривая приборную панель. – Такой же, как и любой другой в Городе.

– Думаешь? – спросил судья, читая плакат на стене.

– Да, я... увлекаюсь поездами... вообще всем городским транспортом. – Даниил почувствовал, как краснеет, и, отвернувшись от лорда-советника, тихо добавил: – Хотел стать машинистом в детстве. Тут есть автопилот, – добавил Кондратьев, запуская навигацию.

Экраны, встроенные в панель перед ним, ожили – по ним побежали строчки с информацией. Затем система загрузилась окончательно, и на экране появилась карта маршрута.

– Смотрите...

– Да, Даниил. Я прочитал там, на стене. Подробная инструкция, как запустить поезд и управлять им. Удобно.

– Получается, что эти пути идут через весь Город – с юга на север.

– И дальше. – Судья коснулся экрана и сдвинул изображение вниз. Схема путей превратилась в одинокую линию, уходящую на несколько километров к северу.

– Место высадки первых кораблей. Вы были правы! – воскликнул Даниил.

– Да. Теперь главное, чтобы эти корабли запустились. И смогли всех нас увезти, – мрачно сообщил судья. – Да и потом, сколько лететь до старой Земли? Куда лететь?

Старик вздохнул и вышел из кабины.

Даниил нашел его сидящим в одном из купе первого вагона – лорд-советник смотрел в окно на платформу.

– Мы брошены и забыты, Даниил. На многие световые годы от дома. Да и какой для нас это дом?

– Лорд Даррел, – смущенно пробормотал Даниил – ему не доводилось еще видеть сурового главу Города в таком состоянии.

– Я родился здесь и здесь же должен остаться. Город – все, что у меня было. Все эти годы, – между тем продолжал свою мысль судья. – Я не отдам его без боя. Нет. Я улечу отсюда, но только как лорд-советник. Артуру Васильеву и его людям нужна лишь власть в этом Городе.

Они и не подозревают, что отсюда можно улететь. А раз война неминуема теперь, нужно к ней готовиться. А после – в путь.

Он покачал головой, глядя на свое отражение в окне.

Даниил тихо выбрался из вагона и встал так, чтобы из купе его не было видно.

Судья еще несколько минут просто сидел у окна и смотрел на желтые квадраты света на платформе. Иногда – Даниилу было сложно следить за ним – губы старика двигались. Он разговаривал сам с собой.

Наконец он встал и вышел из поезда – свет в вагоне потух тут же, как только за судьей закрылись двери.

– Уходим, мы нашли что хотели, – сухо сказал лорд-советник.

От его доброжелательности не осталось и следа – он снова сделался холодным и отстраненным, что еще сильнее напугало Даниила. Что задумал этот человек?

Обратный путь дался лорду Даррелу сложнее. Даниил видел, как он тяжело и медленно идет вперед, борясь за каждый шаг. Луч фонаря более не бродил по стенам, а освещал только их дорогу.

– Господин Кондратьев, надеюсь, вы запомните мою просьбу и выполните ее в точности, если потребуется. Я показал вам путь из Города – если не сумею я, людей должны будете вывести вы. Наш Город – душегубка, но этот ад – единственное, что у нас было до сегодняшнего дня. Жаль, что я не пришел сюда раньше. Но тогда бы это означало, что я готов сдаться и покинуть его. Что ж... видимо, когда до войны рукой подать, я, пожалуй, готов.

Даниил поспешно кивнул. Судья отвернулся от него и пошел дальше – вперед по платформе и вверх по лестнице. На первом уровне тоннелей им никто не встретился – патрульные были далеко. Судья, не простившись с Даниилом Кондратьевым, поднялся обратно в Храм, а оттуда – в свой кабинет. Нужно было еще подготовиться к заседанию Совета через полчаса.

А сам судья между тем был весь в пыли и грязи. Вслед за ним в кабинет попытался протиснуться мальчишка, ожидавший его в приемной, но судья строго взглянул на него.

– Подожди, после Совета, – буркнул он и скрылся в своем убежище.

Совет заседал в просторном зале с множеством окон; вдоль противоположной от входа двери был установлен шкаф, в котором помещались все законы Города. На памяти судьи их ни разу оттуда не доставали и, вероятно, ни разу не протирали от пыли. В центре зала стоял массивный стол с пятью мягкими креслами, три из которых были заняты – лорд-канцлер Кирилл Богушевский, лорд-мэр Джереми Грей и барон Алистер Франку, директор городского банка, – ждали судью на своих местах. Пятое кресло, предназначавшееся Архитектору, пустовало много лет.

Судья мог только предполагать, что этот человек, кем бы он теперь ни был, попросту прячется в маяке. Прежнего Архитектора судья запомнил дряхлым заносчивым стариком в кресле-коляске, который долгие пять лет после вступления Даррела в должность не давал ему возможности проявить себя, ограничивал исключительно судейскими обязанностями.

– Доброе утро, милорд, – приветствовал судью Кирилл Богушевский.

Канцлер был моложе всех присутствовавших – ему было всего сорок три года. Невысокий плотный мужчина, крепкий и статный, он вошел в состав Совета всего три года назад, сменив отца, решившего, что уже достаточно положил сил на благо Города.

Судья все еще не мог определиться со своим отношением к нему. Как и отец, Кирилл Богушевский оказался крайне, а иногда даже чрезмерно деятельным человеком. Законы, которые он придумывал и предлагал Совету, были хороши и правильны, но порой настолько сильно оторваны от бурлившей в Городе жизни, что в итоге, когда дело все же доходило до их принятия, оказывались мертворожденными.

– Доброе утро. – Судья привычно нахмурился.

– И зачем мы здесь сегодня? – поинтересовался лорд Грей. – Причина должна быть очень веской – я был на юге...

А вот лорд Грей у судьи не вызывал никаких больше эмоций, кроме крайнего раздражения. Особенно в свете последних открытий. Джереми Грей давно перестал принимать участие в жизни Города, сидя простым нахлебником на теплом месте в Совете. Старые связи были им потеряны: ни торговцы, ни полицейские, ни даже некоторые бедняки, с которыми он поддерживал приятельские отношения еще лет пять назад, его более не интересовали. Последние полгода лорд-мэр удалился в фамильный особняк на юге, где в искусственных прудах занимался разведением рыб для продажи.

– Если бы мне не требовалось ваше присутствие, милорд, я бы вас и не позвал, – перебил его судья. – Но есть вещи, которые необходимо обсудить полным составом Совета. Полиция не смогла остановить разрастание стихийных лагерей бедняков – из бараков, как вы знаете, они постепенно перебираются в карантинные зоны. Несмотря на все наши запреты.

– Меня перестали забрасывать письмами с требованиями нищих, – сказал барон.

– Да, протесты на улицах почти сошли на нет. Капитан Тиммонс доложил мне, что толпы не собирались на Храмовой и других площадях Города уже несколько дней. Похоже, все эти сборища были простым прикрытием для переезда людей из бараков в старые дома. И самое страшное, что если год назад слухи о затеваемом восстании против нас передавались неуверенным шепотом, то сейчас голоса звучат достаточно громко. Люди недовольны в первую очередь тем, что мы не можем их обеспечить всем необходимым. Работой и едой. Кому-то удалось разузнать больше?

– Нет, – покачал головой канцлер. – Мои источники молчат, а усиленные полицейские патрули ничего не дали.

– Вы знаете, что я этим не занимался даже, – пожал плечами лорд Грей.

– О да, прекрасно знаю, – мрачно подтвердил судья. – Также мне удалось узнать, как они собираются нас с вами уничтожить. И признаюсь вам, это впечатляет. Те, кто раньше раздавал ссуды направо и налево, нашли в законе серьезный пробел.

– Что? – Канцлер подпрыгнул на месте, мгновенно переменившись в лице. – Как это возможно?

– Бывшие ростовщики. Их немного... но достаточно, к сожалению, чтобы сыграть роль пешек. Вас, барон, упорно водят за нос.

– Как вообще кто-то, кроме банка, может давать деньги в долг? Это же запрещено законом! – Канцлер приподнялся на своем месте.

– А они и не занимаются этим больше. Нам удалось наконец разговорить одного из ростовщиков. Эти люди всего лишь пользуются правом поручительства – выступают гарантами огромного количества сделок с правом обращения на имущество должника, как вы это красиво назвали в новом законе. Фактически они принимают на себя обязанность расплатиться по обязательству какого-нибудь бедняка, тот покупает что-нибудь, выписывает чек, банк возвращает этот чек продавцу с пометкой об отсутствии денег на счете покупателя. Продавец идет к ростовщику-поручителю, тот платит – а иногда и не платит, если это свой человек, – по чеку и дает бедняку отсрочку в погашении своего обязательства. Беспроцентного, заметьте. Все в рамках вашего закона, канцлер, – пояснил судья Даррел, с удовольствием наблюдая, как меняется цвет лица Богушевского и как барон Франку старательно смотрит в окно за спиной самого судьи. – Пристенные уже передали в канцелярию требование на мое имя об отмене поручительств – общая сумма, которую они назвали, впечатляет.

– Но... как же так? – Канцлер, чьей идеей и было запрещение ростовщичества, развел руками.

– Мы с вами не предусмотрели такой сценарий просто-напросто, – пожал плечами барон. – Кто же знал, что люди будут поручаться за сделки с нищими. Без процентов.

– Но продавцы-то, они куда смотрят? Почему не доносят? – спросил Джереми Грей.

– Если бы они не доносили совсем, то мы с вами о махинации никогда бы и не узнали. А впрочем, зачем им это? – ответил ему судья. – Какая им разница, откуда получать деньги? Кроме того, пристенные показывают при покупке договор с поручителем, что является для продавцов весомым аргументом. Сделка совершается, а потом все разводят руками – мол, ну откуда я мог знать.

– Пристенные... – усмехнулся лорд Грей. – Мы ведь можем и без оскорблений обойтись.

– Это слово очень точно их характеризует – бедняков, копошащихся у городской стены, в грязи и помоях, не работающих и живущих воровством. Поэтому я буду использовать его, Джереми. Можешь покинуть нас, если твой нежный слух не выносит такой грубости, – с отвращением, грубо и резко оборвал его судья.

– Но и что из всего этого следует? – Лорд Грей нахмурился, старательно не замечая оскорблений в свой адрес.

– А то, что у кого-то в руках сосредоточена власть над огромным количеством бедных горожан. Мы не можем отменить поручительства. – На каком основании? Мы не можем смягчить наказание за невыполнение обязательств бедняками по той же самой причине. Да и, кроме того, они знали о своем положении, когда совершали сделки, – покачал головой канцлер.

– Подождите, но мы можем отследить источник денег! – воскликнул барон.

– Нет, не можем, – возразил судья. – Во-первых, сеть поручительств опутала и многих лордов, которые даже не подозревают, куда уходят их деньги, а во-вторых, некоторые продавцы дают отсрочку даже в первоначальной уплате за товар, после чего тут же бегут к поручителю. Поручитель соглашается заплатить, если пристенный скажет ему, что у него нет денег. Но пристенный молчит, сделка повисает в воздухе до нужного момента. А потом – бам! Такие продавцы, замешанные в восстании против нас, требуют уплаты, нищие бегут к поручителям, те платят за них и отбирают жилье и все имущество. Тысячи людей на улице.

В зале снова повисло тягостное молчание.

– А ведь красиво получилось. Мы не обеспечили нищих работой. У них нет денег. Они влезли в долги перед ростовщиками, заложив свои комнаты. Реальная власть перетекла от нас к ростовщикам. Одно их слово, одно только обещание разорвать договор – и пристенные сделают все, что им прикажут, – добавил к своей тираде судья. – Я даже могу придумать еще худший вариант. В один момент все поручительства будут взысканы. Нищих начнут вытрясать из их домов. А потом кто-то пообещает вернуть все, как было. И свалит всю вину на нас.

– Никогда не поздно изменить закон, если в том есть необходимость, – ответил на это лорд Грей.

– Правила приняты не для того, чтобы исправлять их при первой же необходимости, – заметил на это канцлер, заставив лорда-советника Даррела ухмыльнуться – мальчишке хотелось отыграться. – В нашем Городе неизменны только его камни и законы. В остальном мы можем полагаться исключительно на жителей – если они справляются сами, то нам не стоит вмешиваться, если же нет – мы вынуждены придумывать для них ограничения. Это наша работа. Мы определяем границы дозволенного, когда это необходимо.

– Границы можно и подвинуть.

– Мне кажется, сейчас не время для дискуссии, как считаете? – вмешался барон Франку. Канцлер и мэр подчеркнуто отвернулись друг от друга.

– Полагаю, у нас нет ни малейшей возможности распутать этот клубок поручительств и понять, кто находится в самом его центре, – медленно и тихо заговорил барон Франку.

– Ну почему же. В центре сидит Артур Васильев, – пожал плечами судья. – Доказать мы это никак не можем, поймать – тоже. Он скрылся от нас шесть месяцев назад.

– И мы не можем повлиять на ситуацию с помощью законов, – скривив губы, сказал канцлер.

– Но что-то же нужно делать! – воскликнул лорд-мэр, резко поднимаясь.

– Удивительно, лорд Грей, вы выбираетесь из своего кресла, только когда опасность начинает угрожать лично вам, – кивнул судья, снова перейдя на едко-уточивый тон. – А на Город вам плевать.

– Нет, вы... – Лорд Грей осекся.

– В Городе сложилась слишком опасная ситуация, – не обращая на него внимания, продолжил судья. – Сейчас около ста тысяч человек по первому требованию Артура Васильева возьмутся за оружие. Сколько еще к ним присоединится? Сотня, две сотни? Да все бедняки схватятся за вилы, когда станет понятно, что власть в Городе можно перевернуть с ног на голову. Если мы ничего не сделаем со всем этим – начнется восстание бедняков. Отменим поручительства – получим сильнейший экономический кризис в Городе, в котором и экономики-то нет в старом земном понимании.

Вчера я разговаривал с капитаном Тиммонсом. Как глава полиции, он получает самую полную информацию о том, что происходит на улицах Города. Так вот, пристенные продолжают сбиваться в стаи. Те из них, что побогаче, прячутся сами и прячут ценности. На последний суд практически никто и не пришел – а раньше всегда был аншлаг.

В шести пустых кварталах, несмотря на карантин, несмотря на все наши предупреждения, что находиться там больше трех суток опасно, нищие обживают новые комнаты, не обремененные поручительствами, строят лагеря. Все это произошло буквально за неделю-две, пока мы с вами наблюдали за сходками на Храмовой площади.

– Но почему никто до сих пор не заболел? – спросил канцлер.

– Потому что болезни нет в Городе, – ответил судья. – Люди избавились от заложенных ростовщикам комнат в бараках, но, боюсь, теперь ими движет другое – они хотят денег, работы, еды.

– И они не уверены, что, если они прекратят протесты, полиция не выгонит их из карантинных кварталов обратно в бараки, да? – поинтересовался канцлер.

– Да, – кивнул судья. – Сейчас любая искра, любое недовольство нами приведет к началу бунта.

– Мы можем подавить восстание! – воскликнул Джереми Грей. – У нас есть полиция! У нас есть гвардия!

– Гвардия есть у Архитектора, – флегматично заметил Кирилл Богушевский, задумчиво разглядывая судью. – Кроме того, их не так уж и много. А знаем лично мы только их главу – Арина Кондратьева.

– Полиция выстроила надежные кордоны и готовится воевать. Но давайте посмотрим чуть глубже. Если восстание проиграет, поручители попросту подадут на бедняков в суд, – ответил лорд-советник Даррел. – Сами-то они вообще ни при чем. Мы не сможем ни отказать им, ни удовлетворить их требования по причинам, которые я назвал. Даже если мы разрешим беднякам остаться в карантинных кварталах – это ничего не даст. Разница между лордами и нищими стала слишком большой. Нас вынудят уйти. Мы проиграли, милорды, вам так не кажется?

– Мы можем дорисовать денег лордам, чтобы они расплатились с горожанами, а те – погасили поручительства? – спросил канцлер, чем вызвал хохот судьи.

– То есть дорисовать деньги на счетах мы можем, а дорисовать законы – нет? Вы мыслите, как ваш отец, – когда-то он предлагал мне нечто подобное. Но нет, слишком просто и наивно.

– Мы однажды пошли на это, чтобы как раз поддержать бедных, – заговорил барон. – Дорисовали значительные суммы денег отдельным лордам на их счетах. Но ничего из этого не получилось. Едва об этом поползли слухи, цены мгновенно выросли. Тогда мы не добились ничего, а слухи пришлось еще и опровергать.

– Главная проблема бедняков – отсутствие денег. Именно из-за этого они готовы перебить всех нас. Так что, если потребуется, перепишем часть существующих богатств лордов на их счет. Создадим какой-нибудь фонд взаимопомощи. Но, кроме того, у нас есть еще две проблемы. – Судья с видимым удовольствием подвинул на середину стола принесенные им из кабинета бумаги.

– Это мои отчеты, – сказал лорд-советник Грей, недовольно пробежав взглядом по тексту.

– В которых вы радостно нам сообщаете, что полки на складах скоро прогнутся от количества эссенций, так? – едко поинтересовался судья. – Лорд Грей, вы когда последний раз там были, на складах? Они пусты. У нас через месяц начнется голод, вам известно об этом?

– Я... но, я... там, – промямлил Джереми Грей и неожиданно фыркнул в пышные усы.

Он всегда так делал, когда начинал нервничать или соображать, – это судья заметил давно.

– Лорд Грей? – спросил барон Франку, глядя на него поверх отчета.

– Я не заходил туда года два, – пробормотал тот, рассматривая другой отчет, словно пытаясь найти в нем хотя бы несколько слов, которые могли бы его оправдать.

– Лорд Грей, это была сугубо ваша ответственность – проверка продовольствия. У каждого из присутствующих здесь людей свои заботы. Но городские склады – ваша головная боль. Запас эссенций для синтетической пищи практически иссяк. Прочие запасы в порядке, за еще одним исключением. Я так понимаю, вы отправляли кого-то проверить наличие банок на полках, и этот человек не особенно вникнул в их содержимое.

– А что за второе исключение? – тихо спросил Богушевский.

– Артур Васильев ограбил нас. Его люди вынесли запасной склад с оружием – полностью. У восстания теперь есть взрывчатка, разнообразное оружие, патроны, бронежилеты. И, к сожалению, огненные доспехи, которые сюда привезли еще первыми кораблями.

– Давно ты об этом узнал? – спросил севшим голосом лорд Грей.

– Про оружие? Сегодня. Твой человек – Харди – вчера сбежал в один из карантинных кварталов и возглавил его.

– Он не мог... он же...

– Был таким честным? Да? – продолжал наседавать лорд Даррел.

– Вздор, – пробормотал канцлер. – Мы не можем быть в таком тупике. Есть же выход...

– Я его не вижу, – покачал головой судья.

– Не смей, Ли, – внезапно тихо сказал лорд Грей.

– А, ты понял. – Судья поднялся со своего места и, зайдя за высокую спинку кресла, положил на нее руки. – Это твоя вина, Джереми. Ты проворонил вообще все, что только было можно...

В целом их нельзя было назвать даже хорошими приятелями, хотя лорд Грей и лорд Даррел были знакомы с детства. Но разные компании и разные интересы прочно развели их на многие годы, чтобы столкнуть лбами здесь, в Совете.

– Это не выход, мы решили так не поступать. – Лорд Грей тоже вскочил и, выйдя из-за стола, стал надвигаться на старика.

Признаться, судьбе стало в тот момент смешно – невысокий, полный Джереми Грей едва доставал ему до груди, а ярость, красными пятнами проступившая на его лице, вместе с раздувавшимися при каждом шумном вдохе ноздрями, вовсе сделала его похожим на обиженного барана, которого судья видел давным-давно на картинке в детской книжке.

– Прекрасно это помню. Сядь.

– О чем идет речь? – спросил канцлер, с любопытством наблюдая за лордами-советниками.

– Считается, что естественным путем подхватить местную чуму нельзя. Но в распоряжении Совета есть образцы – искусственные возбудители болезни. Судья предлагает начать новую

эпидемию, а заболевших отправлять в расщепитель, чтобы быстро пополнить запас эссенций, – сказал барон Франку. – Сейчас мы посылаем туда только тех, кто осужден на пожизненное заключение. Убийц в основном.

Весь он был напряжен – губы на худом, вытянутом лице были сжаты в тонкую нить, руки на столе сцеплены так, что кончики ногтей побелели. Опомнившись, он их расцепил, провел ими по коротко стриженным волосам, после чего ослабил галстук – видно было, что ему стало жарко.

– Если мы не сможем решить все наши проблемы в ближайшее время, то придется запустить новую эпидемию. Да, мы договорились не прибегать больше к этому способу, но выхода, похоже, другого нет. – Судья вернулся в свое кресло. – Впрочем, я уже начал активно заполнять нижние камеры. Немного надавил на присяжных, чуть реже смотрю на смягчающие обстоятельства – количество осужденных выросло, а вместе с ними растут и наши запасы.

И снова над столом повисла тишина.

– Вы серьезно? – Канцлер непонимающе смотрел на судью.

– Более чем, – ответил тот. – Я в ответе за наш Город, раз лорд Грей не способен проверить вовремя запасы. Что до эпидемии – крайняя мера, конечно... Но если у нас не будет другого плана...

– Другой план должен быть! – взорвался канцлер. – Как вы не понимаете, мы просто не можем этого сделать! Вы, судья, готовы ради власти убить... сколько, сотню тысяч человек? Две сотни? Сколько вам нужно?!

– Кирилл, судья прав, – вкрадчиво проговорил барон Франку. – И дело совсем не во власти. Кто бы ни пришел на наше место после восстания, он столкнется с теми же проблемами, но разрешить их не сможет – альтернативной пищи не хватит. Мы только-только начали получать существенный прирост рыбы и овощей на юге. Астарот попросту не приспособлен ко всему этому. Мы старались уйти от этого способа. Вооруженное восстание не просто уничтожит нас, оно сметет все, чего мы достигли за эти годы. Горожане могут этого и не осознавать, но количество мест для работы существенно выросло с тех самых пор, как гвардейцы все же начали обучать некоторым профессиям, к которым раньше у нас не было доступа. А выращивание овощей на юге? Это вообще сугубо наша победа. Мы не должны отдавать ее без боя.

– Это сложное решение, Кирилл, но его нужно принять, – кивнул судья.

– Нет, нет. – Лорд Богушевский покачал головой. – Ведь есть же другой выход?

Он посмотрел с надеждой на судью.

Лорд Даррел вызвал в памяти образ поезда, который готов был увезти всех и каждого подальше из этого ада, и ответил:

– Нет. Это мой Город. Я его никому не отдам.

«К черту поезд и корабли, к черту Землю», – подумал он про себя.

После этого он, задрав голову, стал рассматривать однообразный серый потолок.

– Никто не говорит, что мы начнем делать это завтра, так ведь? – осведомился Джереми Грей.

– Нет, конечно, нет, милорд, – все еще не опуская головы, ответил судья. – Просто я не вижу пока другого выхода, вот и все. Нам нужно быть готовыми пойти на этот крайний шаг, потому что очередное восстание не принесет Городу ничего хорошего. А оно может начаться в любой момент, не забывайте.

– Подождите, – внезапно барон поднялся. – Но... мы же можем... эпидемия может начаться... тех, кто замешан в восстании? А потом почти сразу прекратиться? Нет... лучше... то есть хуже, но все-таки. Мы можем начать эпидемию с кварталов, на которые был наложен карантин после последней эпидемии. С тех кварталов, где снова поселились люди. И мы будем ни при чем тогда! Они сами будут виноваты! Они! Ведь есть запрет!

Судья опустил голову и с интересом уставился на барона:

– Да, Алистер, я думал об этом. Количество жертв мы можем регулировать. Можно раздать врачам вакцину спустя, например, неделю. И все очень быстро завершится. Чума была привезена со старой Земли как биологическое оружие против возможной инопланетной угрозы – крайняя мера. О нем знали единицы – это неминуемо бы вызвало недовольство там, на Земле. На людей она действует сразу, но заражение протекает достаточно медленно, а вакцина проста в применении и действует как раз таки практически мгновенно.

– Хорошо, хорошо, – тихо отозвался барон.

– Нет в этом ничего хорошего, – пробубнил канцлер. – Мы подвергаем людей огромному риску. А все из-за того, что...

– Ну же, канцлер. Из-за чего? – прервал его судья. – Уж не из-за наших ли кресел – это вы хотели сказать? Кирилл, нашу проблему не решить иначе. И барон объяснил – почему.

Кирилл Богушевский промолчал и уперся взглядом в стол перед собой.

– Думайте, милорды, думайте. Представления не имею, сколько у нас осталось времени. Если от вас не будет других предложений, нам придется запустить новую эпидемию, как только начнется восстание. И оно тут же захлебнется. Да, лорд Грей, как ваша дочь, кстати?

Вопрос застал мэра врасплох; взгляд его стал тяжелым и недобрим.

– Замечательно. Мы уже назначили день ее свадьбы с Даниилом Кондратьевым.

– Увезите ее на юг. Подальше от Васильева – рано или поздно он попадет. Будет очень обидно, если ваша дочь окажется с ним как-то связана.

– Что вы имеете в виду? – тихо спросил Джереми Грей.

– Бросьте, милорд. – Судья прищурился и свел кончики длинных пальцев перед носом. – Уже весь Город говорит о ее связи с Артуром Васильевым – сыном мусорщика. Вы сейчас крайне уязвимы – именно вы, милорд, ходатайствовали о титуле лорда для его отца. Теперь же весь Город знает, кто стоит за мятежом. Так что лучше будет, если Маргарет как можно скорее станет женой Даниила Кондратьева. Я вас просто предупреждаю – Васильев в лучшем случае сядет в тюрьму, в худшем – с него начнется эпидемия. Обезопасьте вашу дочь от связей с ним.

– Всего хорошего. – Джереми Грей тяжело поднялся из-за стола и, окинув мрачным взглядом присутствующих, добавил: – Мы можем сколько угодно обсуждать здесь дела Совета, но в мою семью я прошу не лезть. Никого и никогда.

– Стойте, еще несколько слов, лорд Грей. Я начал собирать от вашего имени ополчение на юге – пообещал беднякам много денег. И прощение всех долгов. Люди собираются, не разочаруйте их – им предстоит воевать с пристенными, которые поверят Васильеву. Это гражданская война.

Лорд Грей молча вышел из зала.

– У меня есть любимая книга, – спустя несколько минут молчания, когда каждый из лордов-советников думал о своем, тишину нарушил голос канцлера. – Экземпляр достаточно ветхий – еще со старой Земли его привезли сюда. Так вот, там утверждается, что «трусость – самый страшный порок». Уж не боимся ли мы с вами на самом деле потерять власть и состояние, милорды? Может быть, стоит побеспокоиться... я не знаю, о нас самих и наших семьях?

– Я бы поспорил с вашим писателем, – ответил судья. – Храбростью никого не спасешь, пока есть глупость и невежество. Но раз они все же существуют, хорошо, что есть и мы с вами. Хорошо, что Городом управляет не Васильев. Вообще, я считаю, для таких людей, добивающихся своих целей за счет жизней, спокойствия и свободы окружающих, нужно строить отдельные тюрьмы. Чтобы они не могли даже случайно встретить нормального человека. А еще лучше – в костер их сразу.

Барон хотел было согласно закивать, но, услышав последнюю фразу, лишь смешно дернул головой.

– Bravo, судья, спасибо. Какая гадость, – буркнул он. – Но это было крайне поучительно. А что делать, если цели добивается весь Город?

– Я понимаю, к чему вы ведете, барон. Но уйти со своих мест мы не можем. То, что наши предки выстраивали долгие годы, то, что сделали мы, – все это пропадет, если мятежники захватят власть...

Не прощаясь, лорд-советник вышел из зала Совета и направился к своему кабинету. У порога его ждали – тощий, всклокоченный паренек восемнадцати лет неуверенно переминался с ноги на ногу, нервно оглядывался по сторонам. Увидев высокую фигуру судьи, стремительно приближавшуюся к нему, он вжал голову в плечи и замер.

– Майк, заходи, – кротко бросил лорд Даррел, толкая дверь кабинета.

Мальчишка побежал за ним.

– Что с твоим ухом? – спросил судья, устраиваясь за столом.

– Н-не знаю, – отчего-то начав заикаться, ответил Майк и коснулся покрасневшей мочки, в которую была вставлена серебряная серьга кольцом. – Наверное, из-за серьги.

– Лечись. Вот оплата за последние статьи. – Порывшись в бумагах на столе, судья достал чек и протянул его Майку, после чего передал ему несколько листов бумаги. – А вот то, что нужно будет напечатать в ближайшие три-четыре дня. Все, как и всегда.

Мальчишка кивнул, принимая из рук судьи бумаги.

– Как дела дома? – после короткого неловкого молчания спросил лорд-советник.

– Что? А. Хорошо, все хорошо. Продолжаем печатать газету, – улыбнулся мальчишка. – Отец думает добавить в нее страниц.

– Как Ангелина?

– Мама? Хорошо, да. Все хорошо, спасибо. – Майк успел привыкнуть к таким разговорам: лорд-советник имел какие-то дела с его родителями, но все документы всегда передавал только через него. И каждый раз судья спрашивал о семье.

– Ладно, иди. – Судья кивнул, но внезапно передумал. – Постой, я... я забыл про одну бумагу.

Он принялся спешно копаться в ящиках стола.

– А, вот. – Достав какой-то разлинованный бланк, лорд-советник уставился на него, словно раздумывая, как его заполнить.

Наконец, спустя, наверное, полминуты, он взялся за перьевую ручку и принялся что-то спешно выводить на бумаге.

– Не показывай пока это родителям, – сказал лорд-советник, ставя в конце бланка подпись. – Воспользуешься им в крайнем случае. Это рецепт на три дозы любого лекарства. Я не буду писать название – сами впишите, если потребуется.

– Спасибо, – неуверенно проговорил Майк, забирая бумагу.

– Запомни, таких рецептов нет даже у наших врачей. По этой бумаге можно получить что угодно. Используй ее, только если это действительно будет необходимо. И не трать на ухо, прошу. Спроси у родителей, что делать, – расскажут.

– Хорошо, милорд, спасибо. Это все? Я могу идти?

– Да, спасибо.

– До свидания, милорд. – Мальчишка начал пятиться к двери, ожидая от судьи какого-то ответа, но его не последовало, а потому он просто выбежал наружу.

Этот странный подарок сбил Майка Купера с толку, – какой в нем был смысл?

Проблема Майка была, как у многих молодых людей в его возрасте, в чрезмерных оценках всего: начиная от храмового курса экономики Города, куда он поступил вопреки уговорам родителей, и заканчивая самим собой. Всему он придавал слишком большое значение, все казалось ему значимым и важным. Иногда в те минуты, когда Майку начинало казаться, что весь мир вращается вокруг него и для него, ему даже приходилось с трудом одергивать самого

себя. И чем бы это все закончилось – неизвестно, если бы в один прекрасный день около месяца назад, по окончании храмового курса, его не приняли на работу в банк барона Франку.

Поначалу Майк не понял случившегося с ним счастья; это маленькое, незначительное, с точки зрения других людей, событие помогло ему неосознанно переоценить свою жизнь, друзей, весь Город – все было взвешено вновь и найдено пустым и отстраненным. Майк Купер в восемнадцать лет внезапно понял, что он один и он пуст, что за дверьми того, что родители называли взрослой жизнью, его ничто не ждет, что может пройти еще много лет, а он так и будет стоять на месте, свято веря – нечто должно с ним случиться, найти его.

Одним словом, Майк Купер неожиданно осознал, насколько неоправданными были его надежды на будущее.

Так он утвердился в мысли, что восстание, к идее которого он приобщился всего четыре месяца назад, – единственное стоящее занятие во всем Городе. Хотя чем конкретно его не устраивали лорды-советники, он толком не знал, а о том, как решать накопившиеся в Городе проблемы, думать не хотел. Одним словом, ему казалось, что заявить о том, что все плохо, а после разрушить это «все» до основания – хорошая затея...

– Ма-а-ам, я дома! – крикнул Майк, едва зайдя в дом.

– Так быстро? – Из кухни выглянула женщина средних лет, в домашнем коричневом платье и простых тапочках. Серые волосы ее были собраны в тугий узел на затылке. – Что он хотел на этот раз?

– Ничего особенного. Заплатил за напечатанные статьи, выдал новые материалы. – Майк протянул матери чек и бумаги.

– Статьи? Не мог посылным отправить? – недовольно пробурчала женщина и, снова скрывшись на кухне, крикнула оттуда: – Впрочем, деньги нам не помешают!

– Ага. Я так и подумал. Хочешь, я сбегаю в типографию? – спросил Майк, заходя на кухню и усаживаясь за стол. – Минут через пять.

– Нет, не нужно. Там какая-то срочная работа, только мешаться будешь. Да и поздно уже. Скоро ужин будет готов. А вообще, Даррел и правда мог кого-то из своих людей с запиской послать – не буду тебя больше отправлять к нему.

– Мне не сложно.

– Ты слишком любопытный, – улыбнулась мать.

Полужинав, Майк пошел спать – на следующий день ожидалось собрание у Артура Васильева.

Однако ни на следующий день, ни даже через неделю собрание так и не состоялось – двери дома Стежисса были закрыты в назначенное время, а все связные молчали.

Между тем улицы продолжали полниться недовольными людьми. Родители даже начинали подумывать о переезде в другой их дом, куда пока еще можно было перевезти все оборудование.

Из канцелярии ежедневно стали поступать статьи от лордов-советников. Каждый в своей части пытался заверить горожан, что все в их жизни идет чередом. Но были среди статей и такие, которые рассказывали о первых случаях странных болезней в карантинных кварталах. Поскольку обживавшиеся там люди знали друг друга, болели почему-то только полицейские, которые несли там службу.

На восьмой день после разговора с судьей в Храме Майк ошивался возле одного из таких карантинных кварталов, наблюдая, как полиция выстраивает на улицах баррикады. От толпы нищих отделился Шриконт, которого Майк не раз видел на собраниях подполья беседующим с Артуром.

– Тебя ждут у Стежиссов, – тихо прошептал тот, поравнявшись с Майком, и спокойно пошел себе дальше.

Через полчаса Майк был дома.

Забежав в свою комнату, передел грязную рубашку на самую простую, зеленого цвета с парой заново пришитых пуговиц, и, подумав, снял серьгу с уха – мочка начинала серьезно побаливать. Вторую, таким же серебряным кольцом торчавшую из верхней части уха, он решил оставить. Кинув серьгу на стол, вышел из комнаты.

Разумеется, Майк не рассказывал родителям, где он проводит дни напролет.

Дом Куперов – большое трехэтажное здание с пристройкой-типографией – располагался всего в двух кварталах от Храмовой площади. Полюбовавшись на красно-белый маяк, Майк, как множество раз до этого, попытался уловить в темных, практически черных окнах на последнем этаже хотя бы какое-нибудь движение. Но, как и всегда, там никого не было видно.

Тогда он повернулся к колоссу спиной и быстро зашагал на юг – к особняку лорда Стежисса, дряхлого старика. Дела его уже много лет вели дети – сестры Виктория, Кейт и Джулия. Отдав подвальные помещения дома под дела восстания, Кейт и Джулия никогда на их заседаниях не появлялись и делами их не интересовались, переложив все заботы о безопасности на старшую, Викторю.

Виктория же, несмотря на большую занятость на работе в канцелярии городского Совета, куда устроилась на должность секретаря три месяца назад, редко показывалась заговорщикам на глаза. Майк как-то пытался разузнать, чем Виктория занималась в канцелярии, но она только посмотрела сквозь него, ничего при этом не ответив. Лишь спустя какое-то время Майк узнал, что ввиду должности через Викторю проходили практически все документы Совета. Как секретарь, она также заверяла подлинность всех копий и вела учет всех бумаг – одним словом, незаменимый человек в Совете.

Подвал особняка Стежиссов представлял собой просторное помещение, темное, начисто лишенное окон. Из дома, точнее, из просторной кладовой с отдельным черным входом с улицы в подвал вела крутая деревянная лестница с узкими ступенями; справа от входа стоял невысокий деревянный шкаф, крайне неустойчивый. Этот шкаф породил в свое время много шуток о том, что к нему нужно приставить часового, чтобы тот в случае опасности мог уронить его на вошедшего.

– ...Никого не было. Никто за мной не шел и не следил. – Стоя на верхней ступени, услышал Майк чей-то возбужденный голос, доносившийся из подвала.

– Тише, тише, нас могут услышать. – Артур пытался его успокоить.

– Кто, Стежисс? В доме больше никого.

– Артур, я доверяю ему, – прозвучал голос Олега Тихонова. – Иначе бы не привел сюда.

– А мы пока – нет.

– Послушай, Илья, именно поэтому я и притащил его сюда – моему пересказу, кроме Артура, мало кто поверил бы.

«Ларин здесь», – вспыхнула и тут же погасла в голове Майка беспокойная мысль. Он не то чтобы не доверял Илье, но если в Васильеве был уверен, то в Ларине – нет. Да и Олегу Тихонову доверять было сложно – слишком редко он появлялся на собраниях мятежа, а вот в компании лордов его видели часто.

– Ясно, – снова незнакомый голос. – Это все не важно. Главное, что вы...

При этих словах Майк торопливо спустился вниз и влетел в подвал.

Ближняя к двери часть подвала представляла собой нагромождение разнообразной мебели: стулья и табуретки, два кресла, низкие тумбочки – все это беспорядочно теснилось на не очень большом пространстве и упиралось в книжные шкафы, доверху забитые пыльными томами. В дальней части подвала располагался большой прямоугольный стол, заваленный чертежами и схемами Города, тут же стояли грязные тарелки.

У стола стояли пятеро: Артур Васильев, ключник Тихонов, Илья Ларин, Первый лорд и обладатель голоса – знакомый бледный мужчина. На нем была надета до странного разномастная одежда: серые строгие брюки и темно-зеленая рубашка.

– ...все здесь, – обернувшись на шум, произведенный Майком, закончил фразу гость.
– Майк, привет, проходи, – приветствовал его Артур. – Значит, я правильно рассчитал, что сегодня ты будешь у лагеря, где Шриконт обитает. Это Саймон Лившиц, его судили неделю назад.

– Я знаю, – кивнул Купер, подходя ближе к столу. – Что происходит?

Саймон вопросительно посмотрел на Артура. Тот лишь кивнул, показывая, что при Майке можно свободно говорить.

– Ты же работаешь на судью, – недоверчиво разглядывая мальчишку, сказал Саймон. – Он передал через тебя записку.

– Иногда доставляю бумаги, читаю их по дороге, а потом пересказываю Артуру, что прочитал, – довольным голосом сообщил Майк. – Как правило, ничего важного.

– Можешь спокойно при нем говорить. У судьи дела с его родителями – они печатают городскую газету, – сказал Артур.

– Последние дни ничего важного, – быстро ввернул Майк. – В тех статьях. Я прочитал по диагонали текст...

– Как всегда – рост производства товаров и электричества? – с усмешкой спросил Ларин.

Внешность Ларина была настолько обычной и непримечательной, что он без особого труда смог бы затеряться в любой толпе: средний рост, светлые, коротко стриженные волосы, обычные коричневые брюки и светло-серая рубашка. Да и лицо его было незапоминающимся – никаких отличительных черт. Может быть, чуть более крупные глаза, немного более широкий нос, чуть-чуть более тонкие губы – но только если сравнивать с каким-то среднестатистическим человеком, которого, как известно, не существует.

– Да. – Майк кивнул. – На шестьдесят процентов по сравнению с прошлым годом. Это же хорошо!

– Отлично, просто отлично, – ответил на это Илья Ларин. – Если бы еще это было правдой. Единственное ценное на моих станциях – люди. Лучшие электрики во всем Городе. А производство сокращается постоянно – оборудование выходит из строя быстрее, чем его успевают чинить.

– Не сейчас... Я знаю, что Совет пытается убедить Город в том, что сейчас идет рост всех производств и жить мы начинаем лучше с каждым днем. – Артур кивком указал Майку на стул и, обернувшись к Саймону, вопросительно посмотрел на него, словно предлагая продолжить рассказ.

– Хорошо, да, – спохватился бывший преступник, – судья освободил меня с одной-единственной целью – чтобы я нанялся работать лакеем к вам, Илья. И следил за каждым вашим шагом. Он сам мне это сказал.

– Ясмин говорила, что у нас не хватает работника и что она кого-то подыскала, – кивнул Ларин. – Вы приступили к работе?

Саймон залился краской при этих словах:

– Милорд...

– Не надо, просто Илья.

– Я не уверен, что должен это говорить. Но госпожа Ларина... она...

– Хочет, чтобы ты с ней спал? – напрямик спросил Ларин.

– Да...

– Не переживай по этому поводу. – Илья пожал плечами. – Мы давно ночуем в разных комнатах. Если бы не восстание – развелись еще год назад.

– В общем, я пришел на второй день, – немного приободрившись, заговорил Саймон. – Но леди Арджент...

– Это она так представилась? – быстро спросил Илья.

– Да.

– Мерзость. – Ларин скривился. – Никак не может смириться, что титула нет ни у меня, ни у нее.

– Илья... – одернул его Артур.

– В общем, Ясмин хотела, чтобы мы... простите, одним словом, мне удалось вывернуться. С тех пор мы виделись только при других слугах. А потом...

– Саймон, мне плевать на мою жену, – четко проговорил Ларин. – Делай с ней все, что захочешь. Я могу только предположить, что судья каким-то образом подкинул ей идею взять тебя.

– Точно, – внезапно с жаром заговорил Майк. – Я помню – она тоже была на вашем суде. Вы еще говорили потом.

– О чем? – спросил Ларин.

– Она нанимала меня как раз, – немного замаявшись, ответил Саймон.

– Они поверили в слухи, – тихо сказал Первый лорд. – Интересно, за кем еще они следят? И второй вопрос, более важный. Зачем делать это так сложно – шантажом нанимать человека чужими руками?

Тут только Майк заметил, что лицо Первого лорда было словно вылеплено из воска, неподвижно и холодно, хотя сам он уставшим не выглядел. Голова его была побрита, густые брови строго сведены к переносице. На лбу выступили крупные капли пота.

– Думаю, я просто подвернулся ему под руку. Он четко дал это понять. Пообещал титул лорда, если я буду сдавать информацию о вас.

– Олег, тебе больше нельзя здесь появляться, – внезапно сказал Артур, когда Саймон закончил пересказывать разговор с лордом-советником. – Да и нам всем тоже. Мое имя на всех листовках и во всех сплетнях – я на это добровольно пошел. Но если они начали подозревать конкретных людей, несмотря на всю нашу осторожность...

– Мы можем уйти в подвалы, – перебив его, предложил Первый лорд, тяжело опираясь на спинку стула, рядом с которым стоял.

– Можем, если найдем там тихую пыльную кладовку, куда полиция не сует свой нос, – кивнул Артур. – Зря вы пришли сюда.

Он посмотрел на Олега и Саймона.

– Саймон, я сомневаюсь, что Даррел даст тебе титул лорда. Это какая-то уловка... Но спасибо, что пришел и рассказал. Поступим так – все, что ты услышишь от Ильи, можешь полностью передавать связному, ничего не опасаясь. Если тебе самому станет что-то известно, постарайся рассказать это Илье, – быстро проговорил Артур.

– Только так, чтобы Ясмин ничего не слышала, – добавил Ларин.

– Хорошо, – кивнул Саймон.

– Мы не будем выходить с тобой напрямую на связь – все через Илью. Это для твоего же блага. Неизвестно, кого еще они подозревают, – добавил Артур. – Сегодня мы переедем из этого дома...

* * *

– Артур, ты же понимаешь, что пора начинать, раз Совету стали известны отдельные имена? – заговорил Илья, когда ключник и бывший заключенный покинули подвал.

– Да, – кивнул Васильев. – Вот только... что, если мы затаимся на время?

Тут Артур бросил короткий взгляд на Первого лорда – тот ответил ему коротким кивком. Майку показалось, что на большее у Первого лорда и сил бы не хватило – с каждой минутой ему словно становилось только хуже.

– Не понял тебя. – Илья удивленно посмотрел на Артура.

– Ладно, хорошо, хорошо.

Тут Майк поймал на себе оценивающий взгляд.

– Есть мысль. Идея. Пойми, я хочу знать наверняка, что мы испробовали все возможные варианты. А раз времени не остается...

– Какая идея, Артур? – Майк не на шутку встревожился.

– Возможно, мы сможем выбраться из Города. Возможно, корабли со старой Земли еще на ходу и на них можно улететь с Астарота. Возможно, я даже знаю дорогу до кораблей, – быстро проговорил Артур.

– Чуть! Откуда такая информация? – осведомился Илья.

– От меня, – сказал Первый лорд, внезапно зайдясь сильным кашлем. – Я нашел дорогу к первым кораблям. К ней все еще нет доступа – ключи от нужных дверей есть только у лордов-советников...

Неожиданно он побелел лицом, закашлялся и тяжело уселся на стул.

– Что с вами? – спросил Майк.

– Ничего... ничего страшного, так бывает. Простуда перешла в кашель. – Новый приступ прервал его.

– Ерунда какая-то, – в замешательстве проговорил Илья, когда Первый лорд закончил кашлять и, закрыв глаза, откинулся на спинку стула. – То есть, Артур, ты хочешь сказать, что готов отказаться от всех наших планов из-за старой байки, которая внезапно может оказаться правдой? Артур, мы с таким трудом вынесли старый полицейский склад с оружием. Мы достали взрывчатку, в конце концов. А эти твои рыцари!

– Какие рыцари? – быстро спросил Майк.

Краем глаза он заметил, как выпрямился на своем месте Первый лорд.

– Это... наше оружие. Их немного – удалось запустить только восемь из одиннадцати. Но козырь ощутимый, – произнес Артур. – Пока не могу сказать больше.

– Вот именно! – продолжил Илья. – Рыцари чего только стоят! А махинация с поручительствами?! Да только на выстраивание всей сети ушло два года!

– Илья, я хочу убедиться, что все действительно именно так, как говорит Первый лорд. Я не меньше твоего хочу победить в этом восстании, уничтожить Совет. Но я не могу не думать о том, что будет дальше. Мне просто нужно время – совсем немного. Если нужный вход в подвалы мы не найдем за это время, то сможем продолжить то, что начали. У нас все готово: в любой момент восстание поднимется, его уже не предотвратить никому – сам знаешь. Механизм сработает сам собой.

– Вот только все на тебя завязано, не забывай, – возразил на это Ларин. – Ни я, ни Олег, ни Первый лорд – никто из нас не сможет возглавить восстание. На тебе сходятся все поручительства, ты для людей идеальный предводитель – прорвавшийся из самых низов молодой лорд.

– Не я, а мой отец.

– Не важно это. Совсем. Твой отец нас поддерживает.

– Майк, кстати, ты что об этом думаешь? – внезапно спросил Артур.

– Я?! – Мальчишка, с любопытством слушавший перепалку, замер. – Ну, если нужна всего неделя... и за нее ничего не случится, то почему бы не проверить, да?

Он выжидательно посмотрел на Артура.

– Артур, брось, ты его специально позвал сюда ради этого вопроса. – Ларин стукнул кулаком по столу. – Прости, Майк.

Мальчишка кивнул, но Илья даже не заметил этого и продолжил:

– У нас нет этой недели. Ты же видишь, как все складывается, – лорды-советники не сегодня завтра нас всех арестуют под надуманным предлогом!

– Илья, я согласен, что нужно спешить с восстанием, – кивнул Артур. – Похоже, Совет знает о нас больше, чем мы планировали. Но чтобы вести куда-то людей, мне нужно понимать – каков конечный пункт. Что будет после восстания?

- А мы можем узнать это потом? – спросил Илья.
- Нет. – Артур покачал головой. – Если мы сможем отправить людей на старую Землю, то достаточно захватить Храм. Если же нет... Тогда весь Город.
- Нужен общий сбор, – сказал Ларин. – Мы не можем принять такое решение здесь и сейчас – за нами стоят лидеры лагерей в карантинных кварталах.
- Нас всех могут схватить, – с трудом возразил Первый лорд.
- Значит, нужно собраться в таком месте, где нас никто не найдет, – грубовато ответил Илья. – Вам же известны многие укромные места в подвалах. Вот и найдите нам такой угол, откуда легко сбежит два десятка человек. Артур, уж извини, но ты – слабое место всего нашего плана. Если ты не выберешься из этой авантюры с кораблями, то все замыслы треснут. Сейчас у тебя огромная поддержка бедняков в северном Городе, за тобой они пойдут, за нами – нет.
- Лучше пусть они пойдут за ним на корабль, а не убивать лордов, – вставил Майк, чем вызвал короткую ухмылку Первого лорда.
- Только один вопрос, Артур. – Илья Ларин пропустил реплику мимо ушей. – Кто во всем чертовом Городе умеет управлять космическим кораблем? Из далекого прошлого?!
- Мы придумаем что-нибудь – на это мне и нужна неделя, – пожал плечами Артур.
- Глупо и безрассудно, – бросил Илья.
- Нет, послушай, через недели две, думаю, я получу нужный ключ и в тот же день отправлюсь к кораблям. Расстояние там смешное... – Артур попытался вразумить соратника.
- Километров пять – семь, если верить найденной мной информации, – подсказал Первый лорд.
- А как вернусь – сразу и начнем.
- Поступим так. – Илья вздохнул. – Как только получишь ключ, на следующий же день мы соберем людей и расскажем им обо всем. Ты не можешь принять такое решение в одиночку.
- Ладно, договорились. – Артур посмотрел на Первого лорда. – Успеем же?
- Думаю, да. – Тот тяжело кивнул в ответ. – Полагаю, что скоро лорды массово побегут на юг. Нужно дождаться, когда лорд Грей будет перевозить весь свой скарб в южное имение – в суматохе проще всего забрать ключ на короткое время, чтобы Олег успел снять с него копию. После этого будет достаточно недели, чтобы проверить корабли. А потом – начинать восстание. Раз мы все решили, я пойду, пожалуй. Дел предстоит много. – Первый лорд медленно поднялся со стула.
- Хорошо, – кивнул Артур и обернулся к мальчишке: – Майк, к тебе вопрос, ради которого я тебя и позвал. – Тут он бросил короткий взгляд на Илью. – Что там по Михаилу?
- Михаил? Тот художник? – Ларин с недоумением посмотрел на него. – Чего он хочет?
- Он решил снова вернуться к нам, – ответил за Артура Майк. – Неделю назад связался с Артуром.
- Он был... достаточно убедителен, когда уходил в прошлый раз. – Ларин недоуменно перевел взгляд с Майка на Артура.
- Да, – кивнул Артур. – Не держи на него зла.
- Как вы его только отпустили? – спросил Первый лорд.
- Он ничего толком не знал. Да и не будет он трепаться обо всем, что здесь услышал. – Предводитель мятежа лишь пожал плечами.
- А теперь решил вернуться? – спросил Илья. – По-моему, он просто струсил. Видит же, кто победит в итоге.
- В общем, – Майк прервал пустые разговоры, – Михаил очень долго общается с девушкой... той твоей знакомой, Артур. Ее зовут Софи. Последний раз они встретились две недели назад.
- Общается? – хмыкнул Ларин.

– Ну... нет. – Уши Майка отчаянно покраснели. – Она часто ночует у него, но об этом мало кто знает, как я понимаю.

– И сколько это длится? – спросил Первый лорд.

– Я поговорил с его соседями, – ответил Майк, – больше года. И знаете, у меня создается впечатление, что он ее избегает, а она, наоборот... вешается на него, что ли. Их встречи все реже и реже происходят. Кстати, ты в курсе отношения этой Софи к восстанию?

– Да, она против, но и предать нас не пыталась ни разу. – Артур в задумчивости почесал затылок.

– Думаю, это она его подговорила уйти, – предположил Купер.

– Брось, мы не знаем наверняка, – отмахнулся Артур.

– Нет, не знаем. Но можем предположить... допустить, что это правда. Ну не может быть иначе! – настаивал на своем Майк.

– Артур, ты приказал следить за ними? – спросил Первый лорд.

– Нет, – ответил Васильев. – Только опросить соседей, дня два-три понаблюдать за Михаилом.

– Да, знаю, что не должен был этого делать, но Софи может плохо на него влиять. Что, если она пытается разузнать наши секреты и выдать их полиции?

– А что, если Михаил решил к нам вернуться по иной причине? – грубо парировал Первый лорд. – И его отношения с Софи никакого отношения к этому не имеют.

– Не верю. Я буду следить за ними дальше. Попробую подслушать разговор, – недовольно пообещал Майк.

– В любом случае мы должны быть уверены в нем, – сказал Артур. – Спасибо, Майк.

Первый лорд криво улыбнулся, закашлялся и, обойдя стол, поплелся к выходу.

– Я помогу, подожди! – крикнул Артур, выбегая вслед за ним. – Может быть, отправить к тебе врача?

Первый лорд был уже на лестнице и что-то неразборчиво ответил...

Оставив Илью Ларина одного корпеть над картами, Майк бегом последовал вслед за Артуром, но того нигде не было – он словно бы исчез на улице. Зато в самом ее конце мелькнул знакомый серый плащ...

Еще меньше, чем Ларину, Майк Купер доверял Первому лорду. Несомненно, он разделял взгляды Артура на то, что Город необходимо встряхнуть, сменить власть, но ловкость, с которой Первый лорд добывал нужную информацию, его обширные познания в городской планировке, как над поверхностью планеты, так и под землей, не давали Майку покоя. Ну как, скажите на милость, человек, скрывающий свое имя, до сих пор не вызвал никакого подозрения у полиции или гвардии?

А Майк совершенно точно знал, что имя Первого лорда не было известно никому. Минуло около двух месяцев с тех пор, как Майк начал следить за ним, выведывать его тайны, наблюдать.

Что оказалось не таким уж простым занятием: Первый лорд редко показывался на людях, контактов ни с кем не поддерживал, а где он живет – выяснить так и не удалось. Лишь однажды, около двух недель назад, слежка Майка дала крошечную зацепку – Первый лорд обратился к врачу. Этот визит в журнале записи пациентов никак отмечен не был – вместо имени была пустая строка. И точно такая же пустая строка отмечала ранее утро второго дня после встречи в подвале дома Стежиссов, которое было у доктора полностью свободным от приема больных, что было чрезвычайно странно, учитывая его плотный рабочий график.

Все это Майк узнал, попросту выкрыв журнал, за которым никто особенно не следил, а после вернув на место.

Оставалось понять, каким образом можно подслушать разговор доктора и Первого лорда. Изучив вывешенный на одной из стен приемной план дома, Майк заметил дверь, которая, как оказалось, выводила прямо на запасную лестницу, игравшую, вопреки всяческой технике безопасности, роль кладовки, а потому изрядно захламленную и неиспользуемую много лет. Расчистить подход к двери кабинета врача было непросто: кто-то посчитал, что разломанный диван и продавленные кресла, а также десяток пустых ящиков будут отлично смотреться на лестничной площадке. Дверь же на самую запасную лестницу никогда не закрывалась.

И вот, устроившись в нужный день поудобнее на одном из кресел, Майк приготовился ждать. Спустя полчаса он наконец-то услышал знакомый хриловатый голос:

– Добрый день, Самир. Как я говорил раньше, вы живете в опасном районе, слишком близко к границе трущоб. Не страшно?

– Добрый день, проходите. Страшно, конечно. Но так ко мне могут попасть и бедняки, и лорды. К домам первых я нахожусь ближе, чем любой другой врач, а для вторых важна моя репутация, не буду скрывать, хорошего врача. Ну, как себя чувствуете?

– Вы же видите. – Первый лорд поперхнулся, но сдержал рвавшийся наружу кашель.

– Да... Вы правы. Когда начался кашель?

Послышался протяжный мерзкий звук отодвигаемого стула, ножки которого неистово скрипели и царапали пол.

– Недели две назад, не больше.

– Надо было прийти раньше, зря вы так затянули.

– Что со мной?

– Мы с вами живем в таком месте, где не может быть ничего странного, по-моему...

– Самир, это оно? – прервал его Первый лорд.

– Возможно, – тихо ответил врач. – Я хочу сказать, вы проверяетесь у меня ежемесячно.

И с прошлого раза... Словом, все стало значительно хуже. Я не знаю, в чем дело, признаюсь. Обычно черная...

– Не называйте ее черной хворью, прошу вас, – снова вмешался Первый лорд. – Название хорошо для газет и торговки на рынке. Это чума по всем вашим врачебным документам.

– Первые я читаю, а вторых лечу, – ответил ему Самир. – Эпидемий в Городе давно не было, но ваши симптомы схожи с теми, которые обычно появляются у зараженных. Вирус, как правило, вызывает повышение температуры, кашель, медленно подавляет иммунную систему, нервную систему, вызывает галлюцинации... У вас не было галлюцинаций? Звуковых, зрительных?

– Нет, – ответил Первый лорд.

– Хорошо, возможно, еще не время. И чтобы вы знали – чумой этот вирус назвали все те же торговки на рынке много лет назад. К настоящей земной чуме он не имеет никакого отношения.

– Знаю.

– Обычные в таких случаях лекарства не помогут, если это не чума. Признаюсь, я так и не смог понять, что с вами происходит. Единственный вывод, который я могу сделать, – ваш организм стремительно стареет. Три дня обходятся вам в год, я бы сказал. Плюс-минус. Возможно, вирус мутировал... Но это невероятно в любом случае.

– Это можно остановить?

– Похоже, вы не удивлены. Я, кстати, так и не знаю, как вас зовут.

– Как вы и сказали, мы живем в таком месте, где нет ничего странного. И удивительного – тоже. Кроме всего прочего, Самир, я плачу вам достаточно денег, чтобы вы не задавали таких вопросов.

Первый лорд сухо рассмеялся, и смех этот перешел в раскатистый кашель.

– А имя мое по-прежнему не имеет значения, – завершил он свою фразу, тяжело дыша, – Майк слышал хрипы его легких даже сквозь закрытую дверь.

– Эти ваши деньги, за вычетом стандартной оплаты приема, я каждый раз отправляю обратно в банк, но там не могут найти ваш счет и возвращают их обратно. Они лежат на книжной полке. Как я и говорил – лишние деньги мне не нужны. Может быть, вы – разносчик новой заразы, которая угрожает всему Городу...

– И остановить которую вы не можете?

– Боюсь, что нет. Вам нужно остаться у меня в клинике – наверху есть свободные койки. Я могу понаблюдать вас – возможно, это поможет. Я никогда раньше... Куда же вы?

Снова послышались звуки отодвигаемого стула – на этот раз еще более резкие и громкие, но почти сразу же оборвавшиеся, – после чего Первый лорд своей новой, шаркающей походкой подошел к двери – коротко скрипнули плохо смазанные петли.

– Оставайтесь у меня, я попробую...

– До свидания, Самир. Вернее – прощайте, мне пора. Нужно спешить, раз все так плохо. Я пришлю деньги.

Майк подскочил в своем кресле и, едва не запнувшись о стоявший рядом ящик и чудом не наделав шума, выбежал прочь с темной и пыльной лестницы.

Сутулая фигура Первого лорда как раз скрылась за поворотом, когда Майк Купер обо-гнул дом и оказался у входа в приемную доктора Самира. Бросившись вдогонку, мальчишка едва не налетел на него сразу же за углом дома. Тяжело привалившись к стене, Первый лорд прерывисто и глубоко дышал, из его груди доносились все те же хрипы, а лицо – особенно после подслушанного разговора – показалось Майку действительно постаревшим, а не просто серым и изможденным.

В два шага снова скрывшись за углом, Майк стал прислушиваться: вот Первый лорд отдышался, с тихим стоном оторвался от стены и медленно пошел дальше, шаркая ботинками при каждом шаге.

Целый час, в продолжение которого Первый лорд брел по темным переулкам Города, Майк шел за ним, пока Первый лорд не привел его окольными путями к железнодорожной станции; поезда в Городе использовали электричество, которое вырабатывали солнечные фермы, располагавшиеся в его южной части.

И целый час Майк порывался подойти к Первому лорду и помочь ему, но каждый раз он останавливал сам себя. Судя по всему, Первый лорд и не собирался сообщать о своем состоянии Артуру, а следовательно, у него были какие-то более важные, чем мятеж, дела.

Станция – пятая после единственного вокзала Города – располагалась в сумрачном, сером квартале, где узкие и кривые переулки между домами были лишены растительности, а между жителями комнат, окна которых смотрели друг на друга, было установлено соглашение сушить белье, протянув веревки над этими самыми улочками из недр одного дома в темноту другого. Такими переулками Первый лорд, а следом за ним и Майк добрались до небольшой площади, в центре которой возвышалась статуя короля Георга – одна из десятка скульптур, разбросанных по всему Городу. Задержавшись ненадолго у ее подножия, Майк осторожно наблюдал, как Первый лорд принялся медленно подниматься по высоким и широким ступеням станции. Когда он уже готов был скрыться за дверьми кассового зала, Майк сорвался с места и побежал вслед за ним.

Небольшой зал с полудюжиной окошек билетных касс вдоль одной из стен в тот день был битком набит людьми; протиснувшись сквозь толпу, Майк едва сумел расслышать в разраставшемся с каждой минутой гуле хриплый голос лорда:

– Мерритон-сквер, пожалуйста.

Мерритон-сквер служила центром другого такого же тихого и мрачного местечка Города в нескольких километрах от того места, где сейчас и находился Майк; он немного знал это

место, унылость которого создавали и серые чахлые деревья, и пыльные дороги, и дома, окна которых даже жарким летом ловили сквозняки, а из трещин в потолках и стенах на немногих жителей смотрели маленькие коричневые пауки, постоянно сплетавшие паутину в углах комнат.

Во время очередной эпидемии на Мерритон-сквер работали все городские врачи, туда же свозили всех больных. Когда эпидемия закончилась, люди так и не вернулись в свои дома. Лишь в последние недели, несмотря на строгие карантинные запреты, в разграбленные дома стали заселяться бедняки, жившие или в бараках у стены, или вовсе не имевшие жилья. И теперь не болезнь начинала расползаться от Мерритон-сквер в разные стороны по Городу, а бедность. Медленно она дотягивалась до самых Южных ворот, разбивалась о дома богачей на севере, скромно сожительствоваала в дешевых комнатах служащих банка и ремесленников на востоке.

Одним словом, Майк не любил это место, столь не похожее на его собственный дом.

Купив билет на ближайший поезд до Мерритон-сквер, Майк отошел вглубь толпы и принялся наблюдать за Первым лордом, который благодаря не прекращавшемуся теперь кашлю и трясущимся коленям с легкостью нашел себе место на жестких лавках в центре зала. Прислонившись спиной к стене в двух десятках шагов от него, мальчишка некоторое время еще сверлил взглядом затылок своей мишени, но почти сразу же отвлекся на девушку рядом с собой.

Худенькая девушка восемнадцати лет, с рыжими волосами, одетая в сероватое пестрое пальто, подпоясанное тонким светло-коричневым ремешком, быстро и ловко рисовала в альбоме простым карандашом людей, стоявших вокруг нее. Почувствовав взгляд Майка, она обернулась и посмотрела на него.

– Извините, – буркнул он, едва разглядев сквозь упавшие на ее лицо рыжие волосы россыпь веснушек на бледной коже и темно-зеленые глаза, и отошел в сторону, ближе к выходу на платформу, около которого висело мутное черное зеркало – в нем отражался Первый лорд, который все так же сидел на месте, рассматривая потолок.

Электричка прибыла строго по расписанию; едва услышав первые гудки приближавшегося состава, на платформу начала вытекать толпа людей. Майк боялся упустить в толчее Первого лорда, но сделать это оказалось не так просто: благодаря росту этого человека его серая шляпа буквально плыла над человеческим морем.

В вагоне Майк сумел протиснуться между двумя внушительных размеров мужчинами; к его удивлению, напротив Майка снова оказалась рыжеволосая художница.

Выудив откуда-то из недр пальто альбом, она пролистала его, нашла чистую страницу и, приготовившись рисовать, огляделась вокруг. Майку показалось, что она специально зашла в тот же вагон; улыбнувшись ему, она принялась энергично рисовать Майка, то и дело с вызовом поглядывая на него. Мальчишка видел, что рисование в такой тесноте давалось ей с трудом – линии получались часто кривыми, карандаш норовил ускользнуть в сторону.

Впрочем, ни помешать созданию собственного портрета, ни поспособствовать Майк никак не мог – теснота вагона третьего класса, на который пожелал взять билет Первый лорд, привела к тому, что следивший за ним сын газетчика теперь не мог не то что отойти в сторону, а даже пошевелиться.

Становилось нестерпимо душно.

– И куда только все едут? – пробормотал он.

– На окраины, – мрачно отозвался мужчина, стоявший справа от него, – большинство пассажиров живут у самых стен. Кто еще, кроме бедняков, ездит третьим классом? Лорды разбегаются по норам, а нам бежать некуда.

– Пусть бегут, – ответил ему грузный усатый мужчина в рабочем черном костюме, стоявший напротив. – Скоро мы их раздавим. Мерзость эту.

– Да брось, – буркнул первый. – Хотя говорят, что в лагерях будут раздавать еду. Может быть, даже оружие найдется. Но не верю я в это.

На этом разговор прервался. Через некоторое время Майку удалось сесть – на одной из станций вагон быстро опустел и также быстро вновь заполнился до отказа. Рыжеволосая девушка села напротив него и продолжила рисовать, все еще не говоря ни слова.

Спустя десять минут жара и невыносимая духота вагона разморили Майка – его начало клонить ко сну; так бы он и проехал Мерритон-сквер, но что-то заставило его открыть глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Первый лорд пробирается к выходу. К вящему неудовольствию художницы, Майк тоже поднялся со своего места и стал проталкиваться сквозь толпу. У самого выхода она все же догнала его.

– Адрес напиши, – быстро прошептала она и зарделась.

Майк выхватил у нее альбом и накорябал свой адрес под собственным же наполовину нарисованным портретом, после чего вышел на платформу. Вместе с ним на свежий воздух выбрались еще человек двадцать, одуревших от вагонной тесноты.

Художница не стала выходить на улицу. Майк видел в окно, как она вернулась в значительно опустевший вагон и, перевернув страницу альбома, начала рисовать новый портрет. Майку оставалось только продолжить слежку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.